

Людмила Милевская

Цветущий БИЗНЕС

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская

Цветущий бизнес

«Автор»

2004

Милевская Л. И.

Цветущий бизнес / Л. И. Милевская — «Автор», 2004 — (Соня Мархалева – детектив-оптимистка)

Цветущий бизнес, в прямом смысле слова, решила организовать неунывающая, готовая к любым авантюрам Соня Мархалева. Знакомая предлагает ей реализовать большую партию... герани. Поиски покупателя приводят Соню в загадочный дом, где она становится невольной свидетельницей зверского убийства. Чудом выбравшись из этого ада, Соня счастлива – наконец-то все позади. Но не тут-то было! Как выяснилось, это только цветочки... Посещая своих знакомых, которым она дарила герань, Соня вместо живых людей находит лишь хладныетрупы...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Людмила Милевская

Цветущий бизнес

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

В этом мире все взаимосвязанно, порой просто диву даешься насколько. Вот взять хотя бы герани. Обычные красиво цветущие растения, но какие приключения начались благодаря им. Самое интересное, что благодаря им же приключения эти и закончились.

Но все по порядку. Эта невероятная, леденящая кровь история началась на даче Екатерины, бывшей пациентки моей подруги Людмилы Ивановой. Иванова, несмотря на присущую ей лень, к сорока пяти годам умудрилась стать профессором, доктором медицинских наук, и очень от этого страдала. Днями и ночами гонялись за ней толпы больных. Они жаждали чудесного исцеления, одновременно лишая мою Иванову сна, покоя и личной жизни. Муж ее, конечно, сбежал как только выяснил, что есть куда. Сын поскорей женился и поселился у тещи, которая не пьянствовала, не материлась и охотно соглашалась печь его любимые медовые пироги. Да что там муж и сын, даже подруги не выдерживали темпа, взятого Людмилой Ивановой. Дружить с ней было абсолютно невозможно. Мне это удавалось исключительно благодаря моему хроническому безделью. Практически в любое время года и суток Иванова могла мне позвонить и спросить:

– В командировку поедешь?

Из чего я делала вывод, что очередной регион нашей необъятной страны остро нуждается в помощи моей Ивановой, а так же, что кто-то из тамошних светил спит и видит как бы перенять ее бесценный опыт. Узнав об этом я незамедлительно делала две вещи: бурно проникалась гордостью за свою именитую подругу и радостно соглашалась. Радостно, потому что обожаю путешествовать и еще потому, что поездки неизменно осуществлялись за счет министерства здравоохранения. Людмила выбила себе «единицу», и теперь я благополучно играла роль ее личного секретаря: пила кофе, который она варила мне по утрам при помощи дорожного кипятильника и нежилась в ванне, которую Людмила набирала мне на ночь.

Этим моя деятельность не ограничивалась, поскольку я с детства обладала кипучей натурой и неистребимым здоровьем. Естественно, такие качества искали выхода, а моя Иванова только успевала пожинать плоды. Откушав с утра ее кофе, я мгновенно приступала к делу: с помощью душа, итальянского массажера и французской косметики приводила свой организм в боевую готовность, после чего неслась в город знакомиться с местными достопримечательностями, роль которых в основном выполняли магазины.

Знакомясь с магазинами (к ним патологически неравнодушна), я обзаводилась массой других знакомств. Чаще всего они перерастали в столь милые моему сердцу провинциальные романы. Милые, потому что нет ничего проще, (а потому и приятней), чем завоевать сердце мужчины из провинции. Уже одно то, что я из Москвы, а он из Тамбова или из какой-то там Рязани очень выгодно расставляет все «фигуры» по местам, мне же лишь остается двигать их в нужном направлении.

Уверяю вас, самый закаленный москвич стосковался бы или пришел в ужас от всего того, что я могла проделывать с провинциальным поклонником без всяких дурных для себя последствий. Более того, при этом мне даже удавалось срывать с уст очередного воздыхателя комплименты, говорящие о его искреннем восторге и восхищении. Вы удивлены? Поясняю: любая глупость, любой каприз в нашей провинции неизбежно рассматривается совершенно не с той стороны, что в Москве, конечно при условии, что глупость эта прямиком из столицы. И вот я уже не вздорная, а возвышенная, не взбалмошная, а экстравагантная, не болтливая, а образованная и так далее и тому подобное. Уверяю вас, даже мои дурные манеры неоднократно выдавались за изысканные оттенки светского воспитания, а прущее (временами) из меня хамство легко сходило за детскую непосредственность. При таких условиях и в провинции жить можно, да еще как!

Теперь, надеюсь, вам понятна моя готовность сопровождать Людмилу во всех ее командировках. Сюда еще следует добавить, что провинциальный мужчина значительно мужественней, умней, образованней и колоритней столичного, а следовательно с ним гораздо проще (и приятней) чувствовать себя настоящей женщиной. К тому же самая выдающаяся мужская щедрость, кажущаяся расточительной в Москве, в провинции выглядит абсолютно непростительной скарედностью. После общения с поклонником из провинции я на наших московских ловеласов без негодования и смотреть-то не могла, дивясь их жадности. Не хочу окончательно обижать своих земляков, поэтому добавлю, что нет правил без исключений. Порой и москвич даст сто очков вперед самому выдающемуся провинциалу, если москвич этот, конечно, не сноб, не циник, не сквалыга и не отпетый эгоист.

Но вернемся к нашей Ивановой, для которой романы мои оборачивались самым настоящим несчастьем. Мало того, что я могла заявиться далеко за полночь и сильно навеселе, мне же еще необходимо было тут же, прямо с порога, поделиться всем своим необъятным счастьем, невзирая на то, что у моей профессорши позади тяжелый день, а впереди показательная операция. Никакие протесты не могли помешать мне насладиться ее доброй женской завистью, которой я могла неумолимо добиваться всю ночь напролет, до тех пор, пока сраженная и убитая всеми возможными комплексами Иванова, зевая и потирая глаза, не изрекала:

– Ну, мать, ты даешь. Счастливая ты баба.

– Еще бы, – снисходительно следовало в ответ.

После этого я позволяла Ивановой откинуться на подушку и вздремнуть часок-другой перед ее показательной операцией. Утром же она, как ужаленная, подсакивала и, словно угрелая, неслась варить мне кофе, я же (утомленная любовью и рассказами о ней) нежилась в кровати до обеда, после чего энергично включалась в полную приятных сюрпризов и ненадо-едающих радостей провинциальную жизнь.

Зачем мне все это надо, надеюсь, вопросов не возникает, а вот зачем моей бедной Ивановой таскать за собой такую обузу, да еще платить ей за это какие-никакие, но все же деньги, – убей меня – не пойму. Может из мазохизма? Хотя, я слышала – медики чаще страдают садизмом. Точнее, страдают-то, конечно, не они, а их пациенты. Но дело не в этом.

Как бы там ни было мы с Людмилой были очень дружны и каждая в этом тандеме точно знала свое предназначение и исправно следовала ему. Ивановой не хотелось таскаться по командировкам одной, а мне не казалось лишним проветриться от затхлой столичной жизни. Меня всегда манили просторы.

Должна сказать, что скитаться по ненавистным гостиницам приходилось крайне редко, поскольку города нашей страны просто кишели благодарными пациентами, которым Иванова когда-то что-то удачно отрезала или зашила. Они считали высшим благом приютить и обогреть свою спасительницу. Благодать эта в основном изливалась на меня, поскольку я под рукой благодарных пациентов оказывалась значительно чаще, но и Людмиле перепало, хоть и изредка. Например пользоваться дорожным кипятильником Ивановой приходилось очень редко. Чаще она имела возможность готовить мой утренний кофе в более комфортных условиях. О ванне и не говорю.

Так вот вернемся к тому треклятому дню, с которого начались мои мытарства и злоключения. На этот раз командировка Людмилы занесла меня в край удивительно благословенный. Что там говорить, юг есть юг, и это не может ни радовать. Из лютой зимы мы сразу же окунулись в ласковое лето. Московский аэропорт провожал нас жутким снегопадом, словно март одолжил февралю столько, сколько тому надо. А судя по погоде надо ему весьма прилично: мороз минус тринадцать, тучи ходят хмуро и ветер не ветер, а ураган какой-то: волосы развеваются прямо под шапкой.

Слава богу, распрощались мы со всеми этими ужасами сразу же, едва ступили на донскую землю. Мне стало ясно куда пошло все тепло: оно осело здесь, в Ростове-папе. Март едва

перевалил за середину, а в воздухе двадцать восемь и море солнца. К тому же, что для Ивановой совершенно не типично, впереди у нас оказалось два выходных дня. В общем, на радости такой мы с Людмилой из шуб сразу же вскочили в купальники и отдались в добрые руки Катерины, невероятно благодарной пациентки, обладательницы роскошной дачи на берегу Азовского моря. Ради моря я даже магазинами пожертвовала. Катерина нас тут же и увезла на эту проклятую дачу, с которой ВСЕ и началось. Уж лучше бы я осваивала магазины Ростова. Вот к чему, дорогие мои, приводят жертвы: к одним неприятностям.

Началось, правда, весело, как это обычно и начинается. Чем паршивей неприятность свалится на человека, тем больше он радуется в преддверии собственных слез. В моем случае, к сожалению, никого баланса не наблюдалось. Радовалась я весьма сдержанно, чего не скажешь о моих страданиях, последовавших за этой глупой радостью. Два дня на пляже мы с Ивановой трудолюбиво покрывали загаром свои бесцветные, вытравленные московской зимой тела. Я даже сделала попытку войти в море, но Людмила (страж моего здоровья) категорически воспротивилась.

– Вода холодная, утонешь, – компетентно заявила она.

– У меня первый разряд по плаванию, – справедливо обиделась я.

– С годами это проходит, – отрезала Людмила.

– Ну Иванова, какая же ты язва, – рассердилась я. – У меня завелся единственный недостаток – возраст – и ты не устаешь им тыкать в глаза. А сама на целых шесть лет старше, и по виду в матери мне годишься! Побойся бога!

Видимо я была права, потому что Иванова бога побоялась и принялась оправдываться.

– Ты неправильно поняла, – начала она юлить. – Я имела ввиду судороги. Никто не спорит, плаваешь ты сносно, но вода не прогрелась. В ледяной воде не избежать судорог.

Ох, лучше бы я не послушалась Иванову и, скрученная судорогами, сразу же утонула, тогда, в Азовском море. Это был бы идеальный вариант. Видимо судьба давала мне шанс избежать гораздо больших неприятностей. К сожалению этим шансом я не воспользовалась и, отказавшись от купания, разлеглась на пляже. Как чувствовала, что бронзовой умирать всегда приятней, чем бледной и бесцветной. В общем, я предоставила солнцу свое обнаженное тело в качестве холста. Солнце быстро нарисовало на нем восхитительный загар, украсивший мое новое пастельно-розовое платье. В этом платье и сидела я на третий день нашей командировки. Сидела на просторной, залитой солнцем, веранде в ожидании Ивановой, с раннего утра укатившей в Ростов для обмена опытом.

Катерина, хозяйка дачи, и бюстом и характером очень походила на мою подругу Марусю. Это сразу расположило. Тем более, что Катерина развлекала меня вином, закуской и местными сплетнями. Перед нами пенилось волнами Азовское море, уносящее жар свежераскаленных камней далеко за горизонт. Легкое домашнее вино приятно пьянило и звало на подвиги. Какие-то ранние цветочки повсюду цвели на участке Катерины. На открытой веранде образовался зной, против которого (после московской зимы) я ничего не имела. Воздух был напоен ароматами весны, и по-моему мимо меня даже пролетели две мухи, предвестницы лета.

В общем, несмотря на то, что я не отправилась по магазинам, жить было можно. Я, преисполняясь оптимизмом, повсюду радовалась себе и миру. Больше, конечно, себе. Радость моя усиливалась, когда я вспоминала подруг, оставшихся в Москве. Представляя Нелли, Марусю или Клавдию, сквозь снежные вихри продирающихся к метро, чтобы там, подавившись и потолкавшись вволю, досыта натрастись в переполненном вагоне и все «за ради чего»? Чтобы вынырнуть из-под земли в минус тринадцать под новые толпы народа... Брр! Как ужасна их планида! И все время кто-то топчется по ногам, и за воротник задувает, а с неба летит всякая дрянь и мерзнет нос... Брр! Брр!

В общем, представляя весь этот кошмар, я злорадствовала на всю катушку. Пока мои лучшие подруги там, в Москве, добровольно отдаются всем тяготам столичной жизни, я, как

настоящее дитя природы, среди садов, среди полей и морей нежусь на солнышке, не теряя времени, аж в марте месяце покрываюсь загаром, вдыхаю сплошной озон и при этом еще попиваю винцо да закусываю черной икорочкой, и все это за счет благодарной пациентки и министерства здравоохранения. Просто блеск!

Если бы при всем при этом еще не было бы Катерины... Точнее, вместо Катерины был бы Он, какой-нибудь высокий стройный исполин с мужественным лицом и сильными руками... Но Катерина не давала надежды избавиться от ее общества в ближайшие несколько часов. Она добросовестно открывала свою душу, систематически наполняя мой бокал.

– Ну, ...в общем так, Сонька, что я должна тебе сказать... Та ты закусывай, закусывай, дорогая... В общем, такие мои впечатления, поняла я хоть теперь, что не будет никакого мне личного счастья, а все через то, что слишком я забочусь о чужом... Взаимовыручка, вот мой девиз!

В этом месте Катерина делала страшные глаза, брезгливо (?) вела носом и неожиданно трогала обеими ладонями все то, что у нее было спереди и возвышалось над столом.

– Черт, лифчик мал, – с досадой бурчала она, запуская руку за пазуху и подтягивая широкие бретельки, – жмет зараза. Та ты закусывай, закусывай.

Я закусывала и дивилась на Катеринин бюст, гадая есть ли в природе такой размер, за пределы которого он не устремился бы.

Сидели мы неплохо. Стол был накрыт по лучшим правилам гостеприимства. Катерина – на все руки мастерица – сама накрыла, сама ела-пила, не забывая приглашать и меня. Я старалась, конечно, но Катерина (дородная бедовая казачка) подавала такой пример, что на протяжении всей нашей трапезы я испытывала легкое расстройство от своей бездарности. Просто курицей себя ощущала рядом с этим веселым могучим существом, пышущим здоровьем, лучащим счастье и источающим оптимизм. Казалось, не знает девка что такое горе, потому как одна лишь у нее в жизни отравка – ее муж Витька. Я уже поняла, что на Витькины недостатки Катерина может указывать без устали, не теряя при этом благостного расположения духа.

– Ой, Сонька, дорогая, – на южный манер, со смаком и нараспев, как это принято в этих краях, вещала Катерина, – нет мне никакого личного счастья через мою доброту, вот такие мои впечатления.

Я понимала, – врет Катерина, сама она знает, что ближе многих к благополучию и вообще со своим Витькой является образцом супружеского счастья, но обижать ее мне не хотелось. Я сочувственно кивала, густо намазывая пышный пшеничный батон черной икрой цимлянских осетров и бросая косые взгляды на хрустальный бокал, щедро наполненный красным вином из подвалов Катерины.

– Шо мне делать с моим Витькой? Пёт, зараза, как проклятый. Ну каждый божий день пьяный, подлец. Нет уже у меня на него никаких впечатлений! Как жить, не знаю, – сокрушалась Катерина, то и дело опорожняющая бокал.

Про то, что Витька каждый день «пьяный», слушать я уже привыкла, однако видеть его пьяным мне, как и всем соседям Катерины, клянусь, не довелось. А вот сама Катерина назюзькивалась на моих глазах уже дважды, что не мешало ее личному счастью ничуть.

– И вчера, сволочь, пьяный пришел. Ты ж видела!

– Я не видела.

Катерину моя ремарка с толку не сбила.

– Ой, не могу, сил моих нет терпеть всю гульбу его поганую, – вдохновенно продолжила она. – Что же это делается то? Как только в глотку его сволочную гадость эта лезет? – В этом месте Катерина с завидной жадностью залпом осушила безразмерный бокал «гадости» и с энтузиазмом заключила: – Подлец! И он подлец, и все мужики вместе с ним! Да и как не подлец, когда каждый день пьяный! И вчера пьяный, и позавчера пьяный... – Катерина фальшиво всхлинула. – Пьяный-пьяный. И, главное, пёт как нахально. Что же себе он, дурак, думает-то? Рази ж

так можно? Ну каждый день пьяный. Он же, паскуда, за рулем! Он же шуфер у меня! И что? Пьяный! И пьяный, и пьяный...

Я поняла, что конек Катериной оседлан, а значит конец беседе: «пьяный» – через два слова.

– Кать, а что ты говорила о взаимовыручке? – поспешила я направить беседу в более познавательное русло.

Но лучше бы я этого не делала. Знай я тогда в какой переплет попаду, не стала бы уводить Катерину с ее излюбленной тропы. Пусть бы хоть до прихода Ивановой ругала своего шуфера Витьку.

Но тогда, нежась на залитой солнцем веранде, любясь морскими волнами и жуя бутерброд с вкуснящей икрой цимлянских осетров я и подумать не могла, что ждет меня в ближайшем будущем. Да что там подумать! Чтобы представить все те приключения, в которые заведет меня взаимовыручка Катерины, надо обладать особо изощренной фантазией, коей я никогда не отличалась, а потому, лаская небо ароматным вином, я всеми доступными средствами пыталась отвлечь собеседницу от ее «пьяного» Витьки.

На горе, мне это удалось. Простое и понятное слово «взаимовыручка» подействовало на Катерину, как труба на кавалерийского коня: она вытянулась и, с сокрушающей силой обрушив свой бюст на стол, запричитала:

– Уж сколько я сделала людям добра, здесь мне никто не даст соврать, дай бог каждому. Как устроила меня природа, понять не могу, та только жить для себя не умею, только тем и живу, что людям помогаю. Одно скажу, очень хорошая ты девка, Сонька.

– Спасибо, я тронута, – со сдержанным удовлетворением ответила я, недоумевая, как это дело дошло и до меня, когда речь здесь шла лишь о Витьке и самой Катерине.

– Умная и столичная, – не обращая внимания на мое недоумение продолжила Катерина. – И очень вовремя ты приехала, потому как надо мне с тобой посоветоваться, столько всяких впечатлений, не приведи господи, а у Масючки, что через три дома от моей дачи, все время какая-нибудь беда приключается.

– Масючка? Это имя или фамилия? – поинтересовалась я.

– Это баба, – ответила Катерина. – Уж что за несчастная баба, просто диву, порой, даешься. Самая большая радость в ее жизни и та выглядит, как... – Катерина мучительно задумалась. – Ой, как же это мой Витька-то говорит? Умный, сволочь! Красиво как-то говорит, ну, да ладно, уж я и не вспомню... О! Вспомнила! Самая большая радость в жизни Масючки выглядит как тщательно спланированная пакость. Так он говорит, и это очень правильно. Именно так и есть. Бедная Масючка. Уж я ее и к ворожее водила, и к этим, к кстрасенсам, и к гастронамам всяким, к астрологам, – все впусую. Нет ей в жизни этой ни проблеска, такое мое впечатление, и думаю, оно верное.

«Масючка, это, видимо, та миловидная брюнетка, что вежливо поздоровалась со мной на пляже,» – гадала я, с трудом продираясь сквозь дебри Катериных впечатлений.

– Сонька, дорогая, ты должна мне помочь, а я должна помочь Масючке. Выходит, мы с тобой обе должны Масючке помочь.

Я так не считала. Ведь не для того же я ехала сюда из Москвы, чтобы помогать какой-то Катерине, и уж тем более ее Масючке. У самой дел невпроворот. Я и по магазинам-то еще не разу не прошла, не говоря о прочих удовольствиях.

– А что ей надо-то, Масючке твоей? – осторожно поинтересовалась я на свою беду.

Катерина аж подпрыгнула на стуле, тот бедный закачался и задрожал.

– Мы должны помочь развернуть ее бизнес, – выпалила она, снова грохнув своим сокрушительным бюстом об стол. – Я ей дала слово и привыкла свои слова держать. Масючка взялась выращивать растения, ну, комнатные цветы, и их уже у нее жуть как много. Стоят, толпятся, вся веранда в горшках.

– А я-то здесь при чем? – удивилась я.

– Ты даже сама не знаешь, какой полезный ты для бизнеса человек. Во-первых умная, во-вторых можешь водить машину, в третьих у вас сейчас вся Москва бизнесом занимается, а значит ты нам подскажешь.

Мне очень не хотелось разочаровывать Катерину, и я промолчала.

– Цветы цветут и их много, – с энтузиазмом продолжила она. – Теперь дело за мной. Я обещала Масючке наладить торговлю, чтобы было ей чем своих детушек кормить.

– И много у нее детушек? – безрадостно поинтересовалась я, с ужасом осознавая, что по всему выходит, будто я уже практически согласилась налаживать «бизнес» Масючки.

День уже не казался мне таким солнечным и прекрасным, да и море это их Азовское не такое уж и море. Лужа мелкая, не зря же Катерина жаловалась, что пока до глубины добредешь – устанешь. И цветы перед верандой не цветы, а сплошной сорняк. И вообще, зачем я приперлась в глушь на эту дурацкую дачу. Оставалась бы лучше в Ростове. Теперь вот в бизнес какой-то вляпываюсь. Этого мне только не хватало.

– Детей у Масючки трое, – вывела меня из задумчивости Катерина, – и каждый три раза в день есть просит, а то и чаще. В общем, ситуация такая, что хоть бери топор и вешайся: детей много, а мужа ни одного.

Тут уж я искренне посочувствовала Масючке, потому что никогда не понимала как может молодая красивая женщина добровольно нарожать столько детей. Не иначе приключилась с ней беда.

– Да-а, плохо дело, – вздохнула я. – Но чем же мы можем исправить ее положение?

– Та я ж сказала: Масючка, бедная, все сама сделала, нам осталось только пристроить эти ее цветочки, и баста. Считай бизнес налажился. Все же подруга она мне. У меня вон: квартира в Ростове, собака, две машины, дача на море, муж, наконец, а у Масючки только дети, дачу и ту арендует вместо квартиры. Завидует она мне, Масючка, а от зависти я худею.

Катерина с гордостью провела ладонями по своему рельефному телу и с жаром набросилась на еду. Я призадумалась. От торговли я всю жизнь стояла так далеко, как это вообще возможно. Покупать – да, здесь я большая мастерица, а вот чтобы продавать... Однажды пыталась продать кое-что из вещей своего второго, но закончилось это так плачевно, что и вспоминать не хочу. «Нет, – окончательно решила я, – помочь здесь не смогу даже советом.»

– И не вздумай отказываться, – словно подслушав мои мысли заявила Катерина.

Она даже бутерброд жевать прекратила. Видимо он застрял в ее горле. Так с бутербродом, торчащим изо рта, мне и пригрозила:

– Смори, останется моя Масючка на твоей совести.

«Вот этого мне совсем не надо,» – подумала я и спросила:

– И как ты мыслишь мою помощь?

Катерина беспечно махнула рукой.

– Ой, та тебе и делать-то ничего не придется, только баранку крутить, – и она кивнула в сторону гаража. – Я ж не сяду за руль под страхом аборта, а ты умеешь. Отвезешь меня к Масючке (здесь рядом, через три дачи), погрузим ее цветы и поедем в Ростов продавать. Не пугайся, я все сама оформлю, уже и как – знаю.

Сказав, Катерина залпом опорожнила бокал с вином, тыльной стороной ладони вытерла губы и как о самом незначительном добавила:

– По пути забросишь меня к портнихе. Платье мое уж готово, думаю.

Хитрость такая была мне глубоко противна. Сама так поступаю, а потому терпеть не могу подобного качества в людях.

– Катерина, – не открывая рта, процедила я, – а почему бы тебе не дождаться своего Виктора и не поехать к портнихе с ним?

Никогда не думала, что столь невинный вопрос может довести человека до такого исступления. Катерины мгновенно взвилась, румянец исчез, глазки сузились, ноздри задрожали, грудь заколыхалась от гнева. Почему она меня не поколотила, до сих пор не пойму.

– Как можно? – завопила она. – Что ты за вредная баба! Я ему клялась! Витька и знать не должен о моем платье!

– Ты что же, милая, не собираешься это платье носить? – спросила я, стараясь влить в свой вопрос как можно больше характерной для меня нежности.

На глупую Катерину реплика моя подействовала умиротворяюще. Убедившись в моей незлонамеренности, она мгновенно успокоилась.

– Как не собираюсь носить? Носить надо, раз сшила, но не сразу, выберу подходящий момент. Это будет Витьке от меня сюрприз.

– Все ясно. Значит ехать к портнихе на электричке ты не хочешь. Но зачем нам тащить с собой Масючкины цветы? Почему бы сразу не поехать к твоей портнихе? – резонно поинтересовалась я.

Ну просто нутром я чуяла: будет мне от этих цветов большая неприятность. В Катерину же словно черт вселился, если, конечно, черт и Катерина вообще не одно и то же.

– А что я предъявлю Витьке, когда вернусь? Вдруг он явится с работы своей раньше нас? А так я скажу, что ездила продавать цветы Масючки. Он знает мою доброту и не удивится, в противном случае – скандал.

Теперь уже я не сомневалась, что вся остальная доброта Катерины имеет примерно те же корни. Сама я обманывала своих мужей, как говорит моя Маруся, налево и направо, поэтому лишний грех брать на душу никакого желания не имела.

– У меня нет с собой прав, – радостно сообщила я, очень вовремя вспомнив об этом.

К моему огорчению, такое сообщение не произвело на Катерину должного впечатления. Она рассмеялась и изрекла:

– Чем меньше у женщин прав, тем больше у нее возможностей.

Мысль мне понравилась, но соглашаться с ней я не имела никакого резона.

– Как хочешь, а за руль без прав не сяду, – отрезала я. – Тем более, что пила твое вино.

Катерина обласкала меня взглядом и не поскупилась на разумные доводы.

– Ну Сонечка, дорогая, какие права, какое вино, – нежно проворковала она. – Не о чем не волнуйся. Это совершенно безопасно, тем более, что вино мое, как компот, сама же об этом и говорила.

– Но если компота выпить столько, сколько я твоего вина, думаю, и опьянеть можно.

– Та все это глупости. Подумай, случись что, разве две такие бабы, как мы, не уболтают какого-нибудь поганенького мента? Та и вряд ли нас кто остановит. Машина записана на меня, а ты рядом за рулем. Совершенно безопасно, к тому же с твоей красотой и вовсе бояться нечего. Если какой мент тебя и остановит, дак только за тем, чтобы сделать комплимент. Та он ослепнет от твоей красоты, и вместо прав можешь подсовывать что угодно, та хоть инструкцию к пылесосу или электрочайнику.

В общем, Катерина напала на меня и скрутила своими доводами в два счета. Аргумент о моей красоте был самым неопровержимым, поэтому я просто вынуждена была согласиться сесть за руль в нетрезвом виде и при полном отсутствии прав. В таком виде я и поехала, предварительно зарулив к Масючке и набив багажник новенькой «Хонды» цветущими геранями.

Глава 2

Дальше события начали развиваться еще нелепей. Как только указатель обнадежил меня, что до Ростова осталось десять километров, Катерина, всю дорогу выполнявшая роль штурмана, вдруг впала в задумчивость, и мы проскочили нужный поворот. Обнаружилось это лишь тогда, когда я случайно бросила взгляд на очередной указатель. Он сообщил, что до Ростова двадцать километров.

– Как двадцать? – удивилась я. – Было же десять, а едем мы минут тридцать, причем на очень приличной скорости.

– Да, но это уже совсем другая дорога, – равнодушно отозвалась Катерина, не выпадая из задумчивости.

Я рассердилась и затормозила.

– Слушай, может ты отвлечешься от своих мыслей и скажешь куда ехать? Я в вашей деревне впервые.

– Едь в Ростов, – посоветовала Катерина.

– Поезжай, – машинально поправила я и тут же возмутилась. – В Ростов! Ясно, что не в Одессу, но где он этот твой Ростов? Полчаса назад мы были ближе к нему на десять километров.

И тут Катерина меня окончательно добила.

– Соня, я вот все размышляю, а куда мы денем эти цветы? – с невинным видом спросила она, кивая головой в сторону багажника.

Разве можно задавать такие вопросы не совсем трезвому человеку да еще в то время, когда он сидит за рулем. Естественно, я резко затормозила, после чего Катерина едва не «выплеснула» свой бюст на дорогу. Причем лобовое стекло показалось мне слабой тому преградой.

– Ты не знаешь куда деть цветы?! – в отчаянии завопила я, ставя акценты на каждом слове. – Зачем же ты тогда морочила голову нам?

– Кому «вам»?

– Мне и бедной Масючке! Ты собралась повозить-повозить ее герани да и вернуть их обратно? Ты уверена, что в багажнике они сохранят свой цветущий вид? Мы же привезем настоящий гербарий, как я посмотрю в глаза Масючке, этой несчастной матери-героини? Она столько сил отдала этому «бизьнесу», а ты! А мы! Об этом ты подумала?! Подумала?!

Речь моя была пламенна и полна искренности. Я была сама не своя, я задыхалась от боли за Масючку и захлебывалась гневом, утроенным воспоминанием о залитой солнцем веранде, о море, вине и бутербродах с черной икрой, так бездарно покинутых мною. Катерина прониклась и струхнула.

– Ну Сонечка, ну чего ты, дорогая, так расходилась, – залепетала она. – Никто и не собирается возвращать Масючке гербарий, мы его продадим по пути к портнихе. Разворачивай назад и едь вперед.

– Как?! – с чувством спросила я, машинально трогая «Хонду» с места и готовясь к развороту. – Как продадим?

Катерина задумалась.

– Уж и не знаю. На рынок поздно, конечно, это надо было пораньше с утра делать. Может заедем в цветочный магазин и сдадим все оптом?

– Слушай, ты меня удивляешь! Так оторваться от жизни. Даже я знаю, что оптом магазины берут только на реализацию. Масючке нужны деньги, а не квитанции. К тому же без соответствующих документов магазины товар не возьмут. Думаю, им понадобится какой-нибудь сертификат качества или еще что другое, уж не знаю как это и называется. Видишь, мы в этом

ничего не понимаем. Господи, зачем я только с тобой связалась! Ты же говорила, что не будет проблем.

Я очень близка была к отчаянию, мысли мои опять устремились к горемычной Масючке, воображение вновь рисовало ее голодных детушек...

– Фигня, – бодро успокоила меня Катерина. – Как-нибудь продадим. Быть не может, чтобы мы, такие умные и толковые бабы, не продали этидохлые герани, каких-нибудь жалких сорок горшков.

Такая беспечность повергла меня в еще большее расстройство.

– Жалких сорок горшков? – возопила я. – Сейчас два часа дня. У нас осталось максимум пять часов. Сорок горшков за пять часов?! Несчастная, такое не по силам даже приличным цветочным магазинам, а уж двум профанкам (я имею ввиду нас с тобой) и вовсе надеяться не на что.

В это время внимание мое привлек указатель, сообщающий, что мы въезжаем в Ростов на Дону. Должна сказать это была приятная неожиданность, несмотря на то, что направлялись мы именно туда. Катерина тоже воспряла духом.

– Чтобы не отвлекаться, вези меня сразу к портнихе, – заявила она, – а потом уже займемся цветами.

По этому поводу я имела сказать так много, что не имело смысла и начинать. Оставалось одно: покорно следовать указаниям Катерины, что я и сделала. Попетляв по городу, я по команде Катерины затормозила на узкой и абсолютно безлюдной улочке, по обеим сторонам которой стояли сплошь одноэтажные дома.

– Думаю, часа в полтора уложусь, – успокоила меня Катерина, собираясь выпорхнуть из машины.

От наглости такой меня едва не хватил апоплексический удар.

– Часа полтора?! Я не ослышалась? Ты предлагаешь ждать тебя полтора часа? Потрясающе! Такого не требовал от меня даже второй муж – известный нахал, эгоист и подлец.

Катерина пришла в легкое недоумение.

– Ну что ты так кипишишься, – отмахнулась она. – Я же не заставляю тебя стоять здесь под калиткой. Можешь поболтаться по городу, ты же там еще не была. Если поедешь прямо, выедешь на Садовую, нашу центральную улицу. Там куча магазинов. Кстати, есть и цветочные. Приедешь, когда надоест. Здесь у меня делов много, так что не торопись.

Я прикинулась, что не поняла намека с цветочными магазинами и, помахав Катерине рукой, с чувством глубочайшего облегчения развернула «Хонду» и поехала прямо. Очень скоро выяснилось, что долго ехать прямо, как советовала Катерина, запрещает знак. Я вынуждена была свернуть.

«В конце концов город небольшой, как-нибудь не заблужусь,» – подумала я и... заблудилась.

Выехать на центральную улицу мне так и не довелось, зато как прекрасны были поля. Я ехала, наслаждаясь просторами и отсутствием Катерины. В город совсем не хотелось. Глазела по сторонам. Мимо мелькали уже дачи. Я залюбовалась. И было чем. Дома, один другого красивей. Особенно понравился мне трехэтажный из какого-то розового камня с колоннами и балконами. Я даже размечталась: «Эх, купить бы здесь дачку... Какая прелесть: юг, теплынь, дворик, увитый виноградом, и прочее и прочее...»

Любопытство заставило свернуть с трассы. Захотелось поближе рассмотреть дом. Вблизи он больше смахивал на дворец.

«Интересно, дорого ли стоят в этом месте участки? Здесь же вырос целый город,» – подумала я, на минимальной скорости проезжая по улице и не в силах оторвать восхищенных глаз от следующей постройки, выполненной из кирпича, дерева и стекла. Просто домом назвать то, что я видела было трудно. Это был целый комплекс. Одно здание примыкало к другому,

создавая причудливый ансамбль. Зрелище восхитительное. Замысловатостью своей ансамбль мог бы ввергнуть в зависть самого дедушку Корбюзье, доведись тому увидеть подобное.

«Где только люди берут деньги такие сумасшедшие?» – дивилась я.

И тут меня осенило: «А не продать ли мне цветы Масючки оптом?»

Мысль не показалась мне бредовой. Народ в этом районе богатый. Раз не поскупились на груды камней, могут «разориться» и на лютики-цветочки. Надо же эти хоромы как-то украшать. Да наши сорок горшков без труда потонут в одном таком доме. А герани что надо, в самом соку, то бишь цветут. Решено, «бизнес» начну прямо на этом месте.

Каково же было мое удивление, когда узнала я, что город мертвый. Охваченная желанием продать герани, я объезжала один дворец за другим, и все они оказывались пустыми. Ни гласа ни воздыхания. Нет, кое-где попадались живые души, но были они или плиточники, или каменщики, или штукатуры.

Все дальше и дальше уезжала я от Ростова и не заметила сама, как село солнце за горизонт, и мертвый город погрузился в сумерки. Неотвратимо нависла угроза ночи. Теперь уже мне было не до гераней. Я вдруг испытала странное беспокойство. Захотелось выбраться поскорей на трассу, ведущую в Ростов. Мысль о Катерине, оставленной у портнихи, не добавила хорошего настроения.

В этот самый момент почудилась мне тоненькая полоска света в одном из окон дома, весьма похожего на крепость. Присмотревшись, я убедилась, что не ошиблась: из-за плотно задернутой темной шторы действительно пробивался слабый лучик света.

Я заглушила двигатель, выскочила из машины и, с резвостью лани перемахнув через заборчик, взбежала на крыльцо. Стучать в массивную дверь пришлось довольно долго. Я услышала какое-то движение в доме и закричала: «Откройте, люди добрые!» При этом не отрывала глаз от того окна, из которого пробивался свет. По колебанию шторы я догадалась, что меня рассматривают и приняла наиболее выгодную позу. Пусть любуются. Моя внешность всегда выручала меня. Так было и на этот раз. Дверь открылась, и молодой человек вырос на пороге и с настороженным интересом смерил меня с головы до ног типично мужским взглядом. В душе у меня потеплело.

– Добрый вечер, – стараясь быть приветливой, радостно воскликнула я.

Он моей радости не разделил и спросил не слишком радушно:

– Че надо?

Я решила не обижаться и продолжить беседу в светском тоне.

– Какой красивый у вас дом, – сверкая улыбкой сообщила я. – О размерах уже и не говорю: они потрясающие. Если бы знали вы, что испытала я, когда увидела эту махину! Это просто...

– Че надо? – оборвав меня на самом интересном месте, с тупым упорством повторил свой вопрос незнакомец.

– У меня к вам дело, – неожиданно для себя рубанула я, кивая на «Хонду».

Молодой человек сделал шаг назад и широким жестом пригласил меня в дом.

– Заваливай, – предложил он, видимо как умел.

Я завалила. Ох и глупа же я. Как можно быть такой растяпой. Где нахожусь, хоть убей, не знаю, вокруг ни души, на улице без малого ночь, а я стою одна-одинешенька в чужом доме, и юноша весьма подозрительно наружности пялится на меня, причем без всякого восторга и восхищения.

Кстати, стояла я не где-нибудь, а в центре громадного холла, где устроено все на совершенно русский манер: у входа вешалка, на стене зеркало со стулом-пуфиком, потом лестница, под лестницей старинный массивный стол и рядом ультрамодный бар. Великолепная мягкая мебель в центре. Очень дорогая мебель. Ясно: хозяин богат, но без претензий и уважает русские традиции.

И тут я вспомнила, что хозяин-то стоит рядом. Но почему он в ботинках и плаще?

– Вы собрались уходить? – вежливо поинтересовалась я.

– А тебе что за дело? – рявкнул он, кивком указывая на стул, стоящий рядом с зеркалом. – Падай.

Фу-у, какая грубость.

Я присела, бегло бросив взгляд на свое отражение. Боже мой! И это я! Чертова губная помада опять скаталась на губах. За что, спрашивается, платились деньги? И сволочь продавец уверял меня, что это «Макс фактор». А ресницы? Почему они слиплись? Нет, верить нельзя никому, даже рекламе. А в целом я ничего, удивительно, что этот болван в плаще так мало мне рад.

– Что за дело? – вывел меня из приятной задумчивости его голос.

Я вынуждена была оторваться от зеркала.

– Вы о чем? – изумилась я.

– Ты сказала, что у тебя дело.

– Ах дело, – смущенно зевая ответила я, внутренне готовясь к обстоятельному монологу. – Очень выгодное для вас дело действительно есть у меня. Именно это дело и заставило заглянуть в этот дом, который...

Но тут выяснилось, что молодой человек не только груб, но и нетерпелив. Боже, как много в бедняге недостатков.

– Короче! – завопил он и задрожал от негодования.

«Еще и психопат к тому же,» – подумала я и выпалила на одном дыхании:

– Не купите ли вы немножко гераней?

Что с ним случилось. Он остолбенел и простоял с открытым ртом довольно долго.

– Чего, чего? – наконец спросил он таким тоном, словно я произнесла что-то неприличное.

– Хотела предложить вам немного великолепных гераней, – набравшись терпения принялась разъяснять я. – Прелесть! Прелесть!!! Учтите, не уйду, пока от них не избавлюсь. Бедная женщина, мать пятерых детей (здесь я приврала для внушительности) растила их, холила, жаль отдавать в плохие руки. Думаю, вам стоит купить. Отдам дешево.

– Кого? Детей?

– Да нет же, герани.

Молодой человек слегка задумался.

– Что такое герани? – с легкой растерянностью спросил он.

«До чего же необразованные люди живут в этих особняках,» – подумала я и вежливо пояснила:

– Герани – цветы, комнатные растения, красивоцветущие. Очень красивые, очень цветущие, очень комнатные. У меня белые, розовые (трех видов) и красные. Рекомендую взять все, оптом. Да их и немного.

– Так ты за этим? – изумился молодой человек, и на лице его промелькнула слабая радость.

Радость показалась мне особенно подозрительной. «Довольно странный тип,» – подумала я, решив не терять бдительности.

– Конечно за этим. Внимание мое привлек ваш особняк, потому что герани...

Но договорить мне не пришлось.

– Беру, – поспешно прервал меня тип. – Все.

– Все сорок горшков? – спросила я, не в силах поверить своему счастью. Катерина, бедняжка, от зависти помрет прямо вместе со своей портнихой.

Однако типу мое сообщение не понравилось, точнее, оно повергло его в ужас. Зря я была откровенна.

– Сорок горшков? – завопил он, пятась к двери и поворачивая ключ в замке. – И где они?
– В багажнике.

– Нет, так дело не пойдет. Мне некогда разгружать твой багажник, – заключил тип, вынимая ключ из замка и отправляя его в карман плаща, из чего я сделала вывод, что в ближайшее время покидать жилище здесь никто не собирается.

А как же герани? Вот мерзавец!

– Миленький, золотой, – сладко заканудила я на манер Катерины, – там нечего и разгружать. Все очень компактно упаковано. Мы лишь откроем багажник и вытащим один ящичек, ... потом второй, третий и ... четвертый с пятым. Их можно поставить друг на друга и смело нести в дом. И все, дорогой, шестой ящик понесу сама, – лепетала я, твердо намереваясь договориться, но тип почему-то не слушал меня. Тип явно настроил свое внимание на происходящее на улице.

– Да заткнись ты, – с досадой гаркнул он и, резко махнув рукой, бросился к окну.

Я ничего не поняла, но, учитывая наше непростое время, приняла его жест за команду «ложись», на всякий случай упала на пол и закатилась под массивный стол. В комнате повисло тяжелое облако страха, тревоги и ожидания. Мне сделалось дурно от предчувствия, что зря я старалась, тип явно не хозяин этого дома и спихнуть герани вряд ли удастся.

Мешок, который я нашла под столом, уверил меня в правильности подозрений. Там было много чего: меха, драгоценности и даже доллары. Я разозлилась. Болван, зачем он открыл мне дверь? Пришел воровать, так пусть ворует, а не подвизывается швейцаром. Чертова Масючка, чертова Катерина, в какое дерьмо вляпалась я с их геранями.

Я лежала на полу и на всякий случай обнимала мешок с награбленным, а тип стоял у окна и прислушивался к звукам, доносящимся с улицы, которые уже отчетливо были слышны и мне. Судя по всему к дому подъехал автомобиль.

Тип сорвался с места, подхватил меня с мешком и устремился к лестнице, ведущей на второй этаж. Мне не хотелось так далеко углубляться в чужую собственность, о чем я шепотом и сообщила типу, впрочем, об этом я тут же сильно пожалела.

– Будешь рыпаться, падла, долго не проживешь, – рявкнул он, подкрепляя свое жизненное наблюдение серьезной оплеухой, после которой у меня искры посыпались из глаз, и мозги заработали в нужном направлении.

По ступеням я бежала быстрее типа и поэтому раньше его оказалась на широкой лестничной площадке, где в растерянности и застыла.

– Лезь в шкаф, – приказал он, пинком посылая меня в какую-то дверь и таким образом распахивая ее настежь.

С моей стороны вопросов не последовало, поскольку шкаф оказался прямо передо мной, а звуки снизу говорили о том, что настоящие хозяева уже в холле. И судя по количеству голосов их по крайней мере двое, и оба мужчины. Я охотно полезла в шкаф.

Должна сказать что приходилось мне это делать в жизни нередко. Судьба довольно часто загоняла меня в шкаф, но если кто скажет, что избежал такой участи, искренне посочувствую тому: до чего же его существование пресно.

– Только пикни, – предупредил тип, закрывая за мной дверцу.

Абсолютно ненужное предупреждение, глупое даже, сказала бы. Зачем мне пикать, когда я прохожу с этим омерзительным типом как соучастница сразу по нескольким статьям, а может даже и больше. Кто знает чем он здесь занимался до моего прихода? Не удивлюсь, если где-нибудь поблизости обнаружится симпатичный труп. Брр!

От мысли такой сделалось мне совсем нехорошо. Я упала на пол (на грудь какого-то белья) и принялась гадать куда делся тип, а с ним и мешок с драгоценностями, догадаются ли хозяева в ближайшее время заглянуть в этот шкаф, и как я буду из него выбираться, если не догадаются.

Совсем не хотелось знакомиться с хозяевами, и очень не хотелось сидеть в неудобной позе всю ночь. К тому же чокнутая Катерина со своей портнихой не шла из головы. И тут я вспомнила, что моя, точнее ее «Хонда» осталась стоять возле этого злосчастного дома (будь он неладен), практически напротив калитки. Если хозяева не круглые дураки, их должна заинтересовать эта мелочь.

Трудно сказать как долго пришлось мне сидеть в том шкафу, точнее не сидеть, а крутиться, пытаясь занять приятную позу, как будто это возможно при таких обстоятельствах, когда вор с мешком долларов и драгоценностей скрылся в неизвестном направлении, забыв познакомить меня с ограбленными хозяевами.

Должна сказать, что много мыслей посетило меня, и одна другой мрачней. Невероятно хотелось покинуть шкаф и вернуться к Катерине, но как отнесутся к этому хозяева дома? Вдруг они сидят в холле, попивая коньячок и любуясь на себя в зеркало... Я во всяком случае поступила бы именно так. Так вот, они сидят в холле, а прекрасная незнакомка чинно спускается со второго этажа и на все их вопросы отвечает, что она из шкафа. Нет, это никуда не годится. Не будь вора, я бы еще рискнула завязать знакомство с хозяевами, но как вспомню мешок с драгоценностями, так отпадает всякая охота покидать свой родной шкаф.

Но с другой стороны не вечно же здесь сидеть, я же живая. Уже сейчас возникла определенная потребность, и дальше она будет только усиливаться. Не могу же я, презрев хорошие манеры, мочить белье на котором сижу. Но если кто-нибудь неожиданно откроет дверцу, точно смогу и не только мочить.

Я прислушалась. Едва слышно доносились голоса снизу. Если учесть, что я в шкафу, а шкаф на втором этаже, можно предположить что хозяева явно не шепчутся. Даже напрашивается вывод, что хозяева разговаривают громко и оживленно, а если при этом они еще и русские, то обязательно спорят. Мы же не англичане, чтобы просто беседовать. Конечно спорят. Причем с жаром и самозабвенно. А когда люди так увлечены, станут ли они подниматься по лестнице чтобы поинтересоваться не сидит ли кто в одном из их шкафов?

Я решила, что не станут. В любом случае выбора у меня не было, поскольку потребность достигла критической отметки. Приоткрыв дверцу, я первым делом обследовала комнату, в которой находились мы со шкафом. Комната имела окно, от которого не было проку в безлунную ночь. А на дворе была именно такая. Однако дверь на лестничную площадку оказалась приоткрытой, и света хватило, чтобы ориентироваться в пространстве.

Я сориентировалась таким образом, что через считанные секунды уже пребывала в туалете. Там я включила свет и славил архитектора, сообразившего спроектировать унитаз на втором этаже, и была вполне счастлива. Секунд тридцать. Пока мысли снова не забили мою бедную голову.

Впрочем, мысли эти были не так дурны. Особенна те, которые касалась окон. Действительно, ведь можно покинуть дом именно через окно.

В туалете, к несчастью, окна не оказалось, зато в комнате рядом было аж целых четыре. У меня даже глаза разбежались: в какое прыгать? Судя по тому, что одно открыто, моей мыслью уже воспользовался подлец вор. Он же не дурак сидеть в шкафу. С мешком драгоценностей.

Я выглянула на улицу и ахнула. Высоко, метров пять, не меньше, а я с детства боялась высоты. Вор, видимо, такими страхами не страдал и благополучно спустился по водосточной трубе. Но как же быть мне? Не возвращаться же в опостылевший шкаф.

Я решила прогуляться по второму этажу. Бесполезное занятие, когда делаешь это в полнейшей темноте. Луна появилась, но светлей не стало. Пришлось раздвинуть шторы. Я, естественно, первым делом выглянула на улицу и осталась довольна видом во двор. По этому двору не так давно я бежала быстрее лани на встречу с неприятностями. Такие воспоминания повергли меня в тяжелую грусть. Вон тот заборчик, через который я перемахнула, вон дорожка, вон... Стоп! А где же моя, точнее Катерина «Хонда»? Неужели вор воспользовался

ею как средством передвижения? А я, растяпа, оставила ключ в замке зажигания. Что ж вора-то винить...

И, вдруг, сверкнула молния, грянул гром и хлынул ливень. Настроение мое окончательно испортилось. «Какая дрянь – эта затея с геранями, – страдала я. – „Хонды“ нет, погоды нет, даже свободы нет, а мои хозяева теперь уж точно никуда не поедут. Будут сидеть в холле и попивать коньячок до утра. И это в лучшем случае. А в худшем – разбредутся по дому и обязательно наткнутся на меня. Я же не приведение, а живая женщина, мало ли что придет в головы пьяных мужчин. Ах, надо срочно, срочно выбираться. Но как? И на чем? Если они приехали сюда не на такси, значит их машина уже в гараже, а ворота как раз напротив окон холла. Да и трудно предположить, что на свете так много дураков, подобных мне. Кто оставит ключ в замке зажигания? Даже если я каким-то образом незаметно покину этот дом, как доберусь до города? Пешком? В такую непогоду?»

В подтверждение моим мыслям молнии сверкали одна за другой. Началось настоящее светопреставление. Гром гремел так оглушительно, что теперь уже я могла безбоязненно передвигаться по дому. Я вернулась к тому месту, откуда получила указание лезть в шкаф. Спускаться ниже было опасно. Облокотившись на перила, я слегка свесилась вниз и прислушалась. В холле шли оживленные переговоры. Очень громко и совершенно невнятно. По долетающим обрывкам фраз составить впечатление о теме беседы было невозможно, зато было очевидно, что в ближайшее время спать никто не собирается. Это был важный вопрос, так как я обнаружила на своем втором этаже целых три спальни с очень широкими кроватями.

«Остается одно: найти убежище понадежней шкафа и дожждаться ухода хозяев, а уж там уносить ноги со всей возможной скоростью,» – решила я и отправилась на поиски убежища.

В чужом доме и при наличии скверного освещения выполнить намеченную программу оказалось непросто. К тому же претензии мои были велики. Убежище должно отвечать многим требованиям, самое главное из которых отсутствие риска встречи с хозяевами. А как этого добиться? Опыт подсказывал: самое заброшенное место приобретает популярность в тот миг, когда возникает необходимость устроить в этом месте тайник. Мой второй муж терпеть не мог картофель, но ему понадобился мешок, из которого он этот картофель вытряхнул. В результате дорогие моему сердцу письма попали в его руки, и дело едва не кончилось трагическим разводом. Вот он, закон подлости. И все это произошло в условиях моего отличного знания всех привычек мужа. Искать же укромное место в доме, хозяев которого даже не видела в лицо – утопия.

Но другого выхода не было, поскольку под страхом смерти не согласилась бы я спуститься со второго этажа иначе, как по ступеням лестницы. Пришлось искать укромное местечко.

В ходе поиска обнаружилось, что дом этот изнутри гораздо больше, чем снаружи. Я едва не заблудилась. Одна комната сменялась другой, и не было никакой уверенности, что я здесь впервые. Та же мебель, те же ковры и все прочее. Положение усугублялось отсутствием освещения, а включить свет я так и не решилась. Но самое неприятное то, что при таком обилии помещений, спрятаться мне было абсолютно нигде. В шкафах недостатка не было, но долго там не просидишь. Хотелось устроиться с большим комфортом. Я попыталась залезть под диван, но и здесь меня поджидало разочарование. Да, там можно лежать, но и только. В остальном одни неудобства.

Так я добрела до той треклятой комнаты, с которой и начались мои главные неприятности. Посидев на диване и заглянув в очередной шкаф, я расстроилась и собралась отправиться на дальнейшие поиски, но тут вдруг увидела на стене длинную полку с книгами. Короче, тяга к знаниям и сгубила меня. Нестерпимо захотелось знать: что хозяин дома читает в свободное от разговоров время. Но как тут узнаешь, когда темно. Пришлось вытащить с полки несколько книг и отправиться к окну. Там (при свете молний) я удостоверилась, что хозяин не перл интеллектуальности и хотела уже вернуть книги обратно. Точнее, я, со всей присущей мне аккурат-

ностью, ставила их на место одну за другой. Когда в руках осталась последняя, обнаружилось, что места для нее в ряду нет. Я попыталась потеснить соседние томики... и...

И в это время полка медленно поехала от меня вместе со стеной. Зрелище (учитывая обстоятельства) потрясающее. Пережив первобытный ужас первых секунд и оправившись, я легко сообразила, что проникла в чей-то тайник.

Бог знает как удалось мне отодвинуть стену с полкой, но только теперь передо мной выросла дверь. Я сразу же распахнула ее. Меня потрясла темнота. Просто черная дыра. Тут бы испугаться и убежать, но как быть с любопытством, с которым мне редко когда удавалось совладать?

Я сделала шаг вперед и, почувствовав под ногами мягкую, приятно похрустывающую «почву» ковра, смело отправилась на поиски новых приключений. Я шла, как слепая вытянув руки вперед и пытаясь нащупать стены или возможные на моем пути предметы. Сколько шла не знаю, но показалось, что долго. Изредка оглядывалась назад, и дверной проем на фоне темного коридора маячил светлым пятном, хотя я точно знала, что и там далеко не солнечный день. Но какая же темень впереди. Темень и тишина. Звуки непогоды уже совсем не были слышны.

Стараясь не терять бдительности, я медленно продвигалась вперед и гадала куда же ведет этот нескончаемый коридор. Вдруг руки уперлись в холодную и гладкую поверхность, и я, вскрикнув от неожиданности, оглянулась назад. Беда. Густая пугающая тьма окружила, взяла в кольцо и придавила. Меня зазнобило от страха.

«Или закрылась дверь, или коридор как-то незаметно сделал поворот, – успокоила себя я, прислушиваясь к стуку собственного сердца. – А если дверь не закрылась, а ее закрыли! – обрушилась на меня жуткая мысль. – Хозяева зашли в комнату, обнаружили, что тайник открыт и... О, Господи!»

Я в панике принялась водить руками по выросшей стене и, вдруг, нащупала дверную ручку, дернула ее на себя; в лицо пахнуло прохладой.

«Это второй выход из дома,» – обрадовалась я, смело делая шаг и... совершая падение.

Глава 3

Летела я бесконечно. Во всяком случае мне показалось – нет у моего полета конца. В голове образовалась каша из масючкиных гераней, Людмилы Ивановой, «пьяного» Витьки, мерзавца-вора, угнанной «Хонды» и Катерины.

Мысль: «Э-эх, пропадаю я,» – неотступно сверлила мои бедные мозги. На фоне прочих переживаний преобладало желание пойти в церковь и, не скупясь, поставить громадную свечку.

С этим желанием и приземлилась я на кучу пластиковых коробок. Точнее, об этом узнала я значительно позже, когда в этом вопросе досконально разобралась, а в первый миг приземления показалось, что не приземлилась я, а вовсе даже наоборот – взорвалась: такой оглушительный залп сопровождал процесс приземления. Буквально по уши ушла в нечто скрежещащее, режущее и шипящее. Боль при этом испытала невероятную, словно с меня заживо содрали кожу.

«На сковороде у черта!» – ужаснулась я, поставив жирный крест на мечтах о рае.

Позже выяснилось, что шипели, скрежетали и сдирали кожу пластиковые коробочки, на которые я безжалостно обрушила свое тело. Не менее жестоко обошлись они с моим новым пастельно-розовым платьем.

«Сколько же метров пришлось мне лететь? – гадала я, выбираясь из помятых коробочек. – Уж никак не меньше пяти. Стоило ли так пугаться окна?»

Дальнейшее показало, что не стоило. Из окна я хоть знала куда попаду: на улицу. Здесь же не было никакой определенности, поскольку светлей не стало. В любой миг могло свершиться все, что угодно, вплоть до нового падения.

«Господи, дай нащупать хоть какую-то почву под ногами, и уж тогда – завалю свечами всю церковь!» – горячо клялась я, продираясь сквозь чертовы коробочки и пытаюсь нащупать ногами пол.

Как только мне это удалось, и я выбралась из горы пластика, тут же раздался скрежет открываемой двери, послышались грубые мужские голоса, и я с ужасом полезла обратно. Теперь уже я молила Господа о совсем другой помощи: мне до смерти хотелось зарыться в гору коробочек с головой.

Едва я успела осуществить свою затею, вспыхнул яркий свет, и помещение заполнилось топотом да отборным матом.

«Сколько же народу набилось сюда?» – гадала я, пытаюсь беззвучно расковырять «окошко» в коробочках.

Лучше бы я этого не делала, потому что взору моему предстала очень неприятная картина: три громадные звероподобные особи мужского пола жутко матерились и тащили по ступеням окровавленный, отчаянно воющий организм, пол и возраст которого определить было крайне затруднительно, так организм был измордован.

Когда верзилы бросили этот несчастный и еще живой кусок человеческого мяса на мои коробочки, я была готова тут же сделать харакири. Остановило лишь отсутствие подходящего предмета. «Уж лучше самой покончить счеты с жизнью, чем дожидаться помощи от верзил,» – подумала я, ни на секунду не сомневаясь, что мой воющий сосед пострадал именно от общения с ними. Хотелось думать, что он заслужил, но и я уже много чего натворила: проникла в чужой дом, раскрыла тайник, помяла гору коробочек, да и бриллианты, которые утащил вор, явно повисли на мне.

«Сейчас ненароком узнаю остальные тайны, после чего биография любого покойника на фоне моей будет просто воплощением перспектив,» – с грустью подумала я. Захотелось

поглубже зарыться в коробочки, и вместе с тем я прекрасно понимала, что лишние звуки в настоящий момент ни к чему.

Однако верзилы так гневались, что им было ни до звуков. Открыв какую-то дверь, они вновь схватили свою жертву и потащили ее, матерясь пуще прежнего. Меня обдало странным неприятным запахом, видимо исходящим из той комнаты, куда вошли верзилы. Теперь уже не имея возможности наблюдать происходящее, я «наслаждалась» одними воплями. Когда же вопли заглушил шум работающего механизма, мне сделалось совсем дурно.

«Неужели беднягу распиливают на части?» – подумала я, с трудом сдерживая порыв выскочить из своих коробочек и бежать куда глаза глядят.

Дело в том, что глаза глядели на вторую дверь, массивную и металлическую, но вдруг она закрыта. А тут еще жертва завопила гораздо громче механизма, что говорило о том, как ей несладко. Я решила остаться в укрытии.

Не могу передать своих ощущений. Слышать как в соседней комнате зверски издеваются над человеком и понимать, что в любое время то же может произойти и с тобой – мучительно. Я выдавала Господу такие щедрые обещания, на какие только хватало фантазии. Очень часто щедрость бывает полезной. Господь меня услышал. Вскоре визг неизвестного мне механизма прекратился, и раздался омерзительной хрипоты бас, явно принадлежащий одному из верзил:

– Ну во, бля, и все.

– Будет, бля, знать, – добавил второй, не менее отвратительным хрипом.

– Сваливаем, – резюмировал третий, – а то бабы скоро припылят.

Они протопали мимо меня. Хлопнула дверь, лязгнул замок и потух свет, из чего я сделала вывод, что выключатель находится по ту сторону двери, а следовательно искать выход придется в полной темноте. Положение казалось безнадежным.

«Судя по всему, сижу глубоко под землей, – размышляла я, не решаясь покинуть коробочки. – Но это не просто подвал, а какое-то специальное помещение, потому что стены и пол покрыты кафелем. Да и гора коробочек здесь неслучайно. Раз есть запах, упаковка и механизмы, значит это производство. Может даже подпольное, иначе чем объяснить потайной вход из дома: я летела не меньше семи метров, пять до земли и, видимо, ниже. Глупо было бы предполагать, что хозяин попадает сюда таким же образом. Вероятней всего я провалилась в шахту лифта. Но верзилы зашли в ту дверь, значит она ведет на улицу. Однако, рассчитывать на дверь – нелепо. Мне ее никогда не открыть. Но если это производство, значит долго оставаться в одиночестве мне не дадут. Работники могут появиться в любой момент, да и верзилы каких-то баб поминали.»

Очень не хотелось думать о том, что будет, когда пришедшие сюда бабы обнаружат меня сидящей на горе помятых коробочек. И уж совсем не хотелось думать, что стало с тем несчастным, которого притащили верзилы. Я четко видела: ушли они с пустыми руками.

Минут пять я не решалась шелохнуться, прислушиваясь к густой и вязкой тишине. В конце концов рискнула выбраться из укрытия, сделала несколько осторожных шагов и прошептала:

– Э-эй!

Тишина.

Я сделала еще несколько шагов, нащупывая вход в соседнюю комнату. Снова прошептала:

– Эй! – и опять тишина.

Тишина и темнота. Хоть глаз коли. Захотелось плакать.

И тут мои руки уперлись в какой-то предмет. Я нащупала широкое пространство, обитое железом, (видимо стол), провела по нему рукой и попала в нечто теплое и мягкое, понюхала: запах крови. Ужас охватил меня. Потеряв всякий разум, я принялась хаотично метаться, натываясь на разные предметы. Что-то со звоном летело на пол, что-то на меня, было больно, но

я носилась, как ошалевшая от страха кошка. В конце концов я поскользнулась и упала. Рука попала в липкую лужу, и какая-то дрянь уперлась в мой бок. Судя по всему мужской башмак.

«Это все, что осталось от бедняги, замордованного верзилами,» – подумала я, пытаюсь подняться с пола и опираясь на какой-то предмет с ручкой.

Тут же выяснилось, что предмет висит на стене почти у самого пола и легко выдвигается вперед. Трудно описать радость, которая охватила меня когда я выдвинула предмет и обнаружила за ним громадную полость в виде четырехгранной трубы, ведущей куда-то вверх. Засунув голову поглубже в трубу, я увидела тонкую полоску света.

Я мигом вспомнила, что подобные устройства, дедовским способом заменяющие лифт, видела не раз в старых зданиях. Так подают мешки и ящики в складские помещения, расположенные в подвалах еще царских времен: просто спускают их вниз. Да и полоска света, говорила о том, что труба обязательно кончается где-нибудь на улице.

Я тут же полезла в трубу. С налета довольно глубоко погрузилась, но сразу же съехала вниз. Повторила процедуру второй раз, и третий...

Сколько продолжались мои страдания, трудно сказать, лично мне казалось, что катаюсь я в этой трубе вечность. В конце концов экспериментально было установлено, что если не пытаться форсировать трубу наскоком, а медленно проникать в нее ползком, то можно добиться неплохих результатов: мне удалось приблизиться к полоске света настолько, что была видна крышка люка, закрывающая вход в это устройство. Между крышкой и трубой светила довольно широкая щель, и это радовало.

Однако, огорчало другое. Стало ясно: на середине трубы неизбежно скатишься вниз, и нет никаких средств, чтобы избежать этого. Видимо труба предназначена для односторонней подачи: сверху вниз.

Каких-нибудь два метра разделяло меня, сидящую в трубе, с улицей. Я даже слышала раскаты грома, но не могла приблизиться к выходу ни на йоту. Установив это, я приуныла, да и сил потратила в борьбе с этим анахронизмом не мало. Села на пол, задумалась: «Если зацепиться за край трубы, можно подтянуться к самому выходу. Неужели здесь нет подходящего для этой цели предмета?»

Вспомнила башмак, который меня напугал. Он вполне мог застрять в той щели. Перед лицом собственной смерти, гибель неизвестного бедняги показалась не такой ужасной. Я твердо решила отыскать труп и сделать из его одежды веревку. Привязав веревку к башмаку, я надеялась выбраться из этого страшного места.

Отправилась на поиски, обшарила каждый угол, метр за метром методично обследовала комнату, с ног до головы выпачкалась во что-то липкое, но трупа не нашла. Зато нашла какой-то халат, тут же порвала его на длинные полосы, сплела из них веревку, привязала ее к башмаку и отправилась к трубе.

Изрядно помучившись, закинула-таки башмак в щель, подтянулась, уцепилась за край трубы, уперлась лбом в крышку и... едва не зарыдала от собственной наивности. Какой же дурак оставит крышку открытой. Это же практически еще один вход, а с улицы явственно доносится шум проезжающих автомобилей, значит поблизости дорога.

В общем, ситуация мучительная: там ливень, грохочет гром, свежий ветерок залетает в щель, а я сижу в немыслимой позе и глотаю слезы. И нет меня несчастной на всей земле.

Насидевшись вдоволь и уяснив, что долго так не продержаться, – онемели и руки и ноги – я начала яростно бить в крышку рукой. Каково же было мое удивление, когда с улицы мгновенно раздался женский визгливый голосок:

– Да сейчас, сейчас, не молоти, уже иду, ключ только найду.

Я не знала, радоваться или пугаться. Прислушавшись, поняла, – внизу тоже кто-то есть, ходит, шаркая ногами, да и свет горит. Видимо я так увлеклась штурмом трубы, что не заме-

тила прихода тех баб, которых опасался даже амбал. Возникал резонный вопрос: чем мне это грозит?

– Вот же б...во! Какая гадость порвала мой халат? – донеслось снизу.

Я вжалась в крышку люка с тройной силой, давая себе клятвы ни за что не признаваться в том, что эта гадость я. Труба уже не казалась мне такой неудобной, напротив, век бы сидела в ней, лишь бы не видеться с этими бабами. И надо же, именно в этот миг крышка люка распахнулась, а я, сбив с ног шупленькую женщину, вывалилась прямо в грязь. Это в своем-то новом пастельно-розовом платье. Ужас!

Женщина, до смерти перепугавшаяся в первое мгновение, быстро пришла в себя, схватила меня за ногу и ни за что не хотела отпускать. С диким криком: «Куда! Куда зараза!» – она пыталась сотворить из моей ноги жгут. Мне это, естественно, по нраву никак не пришлось, и я вынуждена была толкнуть ее в живот. Она упала туда, где лежала я: в грязь.

Во вспышках молний мы катались по лужам. Я билась, как лев, но кто же знал, что в этой тщедушной столько сил. Она не только давала достойный отпор, но временами даже делала со мной все, что хотела. Я, жалея что связалась, упорно пыталась вырваться и убежать, но она теснила меня к ненавистой трубе с явным желанием спустить туда, откуда с такими страданиями я только что выбралась. Сдаваться я не собиралась. Когда мое настроение стало очевидным, она визгливо позвала на помощь. Бог знает, откуда взялись у меня силы; я вывернулась и столкнула женщину вниз.

Пока она с воплями спускалась по трубе, я неслась по лужам и кочкам к дороге и выскочила буквально под колеса автомобиля. Визг тормозов, надвигающиеся фары и снова тьма...

Глава 4

Очнулась с тревожным чувством опасности. Несколько секунд соображала где нахожусь, но когда увидела перед собой крепкую мужскую шею (в оправе белого воротничка) с диким воплем впиалась в нее ногтями. Конечно я хотела задушить... Хоть кого-нибудь... И, естественно, мне это не удалось. Снова визг тормозов, слепящий свет фар и тьма.

Нет, тьмы не было. На этот раз из глаз посыпались искры (целый салют), такую он мне выдал оплеуху. Выдал и закричал:

– Ты что, сумасшедшая!

Я любовалась «салютом» и потому не откликнулась. Он повторил вопрос. Невежливо было долго молчать, и я с достоинством сказала:

– Не сумасшедшая, а абсолютно нормальная.

– Нормальные люди не бегают в платьях и босиком, когда на улице снег, и уж тем более не бросаются под колеса.

Действительно, за окном автомобиля шел снег, что для марта вполне естественно.

– Извините, я вас ударил, – прервал мои наблюдения незнакомец. – Мне очень жаль. Не сильно?

– Не переживайте, удар не слабый, – успокоила я его.

Он смутился.

– Это от неожиданности. А тут еще встречный идиот ослепил фарами. Чудом удалось избежать аварии. Вы кто?

– Разве не видите? Женщина.

– И вижу, что очаровательная, но откуда вы? Что с вами случилось? – спросил он и смерил меня красноречивым взглядом.

Я окончательно пришла в себя, осознала, что сижу на заднем сидении дорогого автомобиля, за рулем которого импозантный мужчина. На мужчине сто долларовый костюм, а на мне испачканное грязью и кровью, висящее клочками пастельно-розовое платье. К тому же я босиком, а у него бриллиантовые запонки. Было над чем задуматься. Я задумалась.

– Не хотите говорить, не надо, – сказал он, поворачивая ключ в замке зажигания и трогая автомобиль с места.

– Куда вы меня везете? – забеспокоилась я.

– В больницу. Судя по всему, вы ранены.

Я прислушалась к собственному организму и поняла, что не ранена. Глянула на часы: десять вечера – детское время.

– Тогда уж везите в мединститут, – посоветовала я, справедливо полагая, что «радовать» сообщением о пропаже «Хонды» безопасней всего Людмилу.

В том, что она пьянствует на кафедре у меня не было никаких сомнений.

Мужчина кивнул, не поворачивая головы. Мне стало обидно, что он так внимательно смотрит на дорогу, и я протяжно простонала:

– О-о-ох!

– Учтите, затормозил я вовремя. От колес до вашего тела было не меньше метра, – так же, не поворачивая головы, сердито сообщил он.

Какая черствость! «Вашего тела». Фу! Трус. Трус и сухарь.

– Вряд ли метр, – любезно уточнила я. – Самое большее сантиметров двадцать, но вы прекрасный водитель, и с моей стороны можете рассчитывать только на благодарность.

В ответ я получила роскошную улыбку. Он даже не поленился повернуть свою бычью шею.

– Вам там удобно?

Ого! Забота в голосе. Хорошее начало. Я решила изображать неприступность и ограничилась сухим «вполне».

- Не хотите пересесть на переднее сиденье?
- Думаете, заднее уже достаточно мною испачкано?
- Пустяки. Главное, – вы целы и невредимы.
- Ах, это главное, – рассеянно резюмировала я и принялась нервно грызть ногти.

Рассеянность моя объяснялась тем, что внезапно в голову ворвалась Катерина со своей «Хондой», Масючкой и рядом неразрешимых проблем. Больше всего беспокоили герани. Ведь они пропали вместе с «Хондой». Как я отчитаюсь перед бедной матерью героиней? То, что я цела и невредима, теперь не казалось таким большим преимуществом. Уж лучше бы меня несли на носилках.

- Вы поругались с мужем? – приятно отвлек от грустных мыслей вопрос незнакомца.

Все ясно, бедняга ломает голову, почему я в летнем платье и босиком. О пятнах крови уж и говорить не приходится. Да, нелегко ему. Я бы умерла от любопытства.

- У меня уже нет мужа, – не без гордости сообщила я.

Мой ответ его доконал.

- Уже? – спросил он очень странным тоном, напрягаясь и ерзая на сиденье.
- Да. Уже много лет.
- Значит вы поругались с другом, – выдохнул он с огромным облегчением.

Такой болезненный интерес возвращал меня в страшный дом с его жутким подвалом, о чем вспоминать абсолютно не хотелось.

– Мы скоро приедем? – спросила я, вглядываясь в окно и сожалея, что так рано пришла в чувство.

- Минут через десять, – ответил незнакомец, усиливая мое сожаление.

Спасла меня исключительная способность вести непринужденные светские беседы в любых условиях. Благодаря этой способности остаток пути я провела в приятной обстановке: выслушала подробный отчет о состоянии автомобиля, под колеса которого не так давно пыталась угодить. Слава Богу, это дало возможность вздремнуть и собраться с силами перед встречей с Людмилой.

- Ну вот и приехали, – вывел меня из дремы голос незнакомца. – Я вас не очень утомил?
- Ну что вы, в жизни не слышала ничего интересней, – сдержанно зевая ответила я.

Выглянув в окно, я с ужасом обнаружила, что автомобиль стоит в воротах, за которыми раскинулся целый город. Ну, город не город, но то, что поиски Ивановой будут затруднительны стало очевидно.

- Это и есть мединститут? – растерянно спросила я, показывая рукой на ряд зданий.

– Ну да, – подтвердил незнакомец, явно ожидая распоряжений в каком направлении трогать с места.

Мне стало стыдно за свою безграмотность.

- Мне вон туда, – я неопределенно ткнула пальцем, не лишая его возможности выбора.
- Там гинекология.

Мой палец резко поменял направление.

- Тогда туда.
- А там – мертвые учат живых.
- Что вы имеете ввиду?
- Морг.

Меня передернуло, и я ткнула пальцем в здание, выглядевшее самым безобидным.

- Это психиатрия, – с усмешкой сообщил незнакомец.
- Вы так хорошо осведомлены, – удивилась я. – Может вы тоже доктор?

– Доктор? Боже меня упаси! Иметь дело с ненадежными людьми, которые в ответ на все старания только и норовят загнуться? Нет, это не для меня, но к медицине и я когда-то имел отношение. Моя бывшая жена врач. Невропатолог.

«Как бы мне она сейчас пригодилась,» – подумала я, одновременно ломая голову где именно искать Иванову.

– Учитывая вашу склонность бросаться под колеса, я бы повез вас в психиатрию и хирургию, – подсказал незнакомец. – Но начал бы с хирургии.

Я мгновенно вспомнила, что моя Иванова хирург и радостно закричала:

– В хирургию, конечно в хирургию, уж там-то ее каждая собака знает!

Он не стал задавать лишних вопросов, тронул автомобиль с места, и вскоре мы остановились у хорошо освещенного подъезда. Я собралась обратиться к своему спасителю с пламенной речью благодарности, после чего нежно проститься и отправиться на поиски Ивановой, но в этот миг дверь распахнулась, выпустив Катерину в новом костюме и плюгавенького мужичонку с огромным портфелем. Следом за ними походкой шагающего экскаватора бодро топала моя Иванова. Несмотря на ее низкий рост и чрезвычайную худобу, придающие ей сходство с подростком, было очевидно, что командир в этой компании она.

– За мной! – рявкнула Иванова, после чего Катерина и плюгавый тут же ее окружили.

Иванова, не теряя времени даром, энергично замахала руками, бойко чеканя фразы; хриплый прокуренный голос ее доносился даже до меня. Аудитория внимала с раскрытыми ртами.

– Главное – разработать маршрут, – гудела Иванова. – Вы, Ефим Борисыч, отправляетесь к своим знакомым, к этим, как их...

– К работникам милиции, – не отрывая от нее восхищенного взгляда, подсказал плюгавый.

– Правильно, к ментам, – рубанула воздух рукой Иванова, – а ты, Катерина...

В этом месте я не выдержала и с криками радости выскочила из машины. Компания застыла от удивления. Немая сцена длилась довольно долго. Первой нашлась Людмила.

– Оч-чень хорошо! – гаркнула она, принимая меня в свои объятия. – Ефим Борисыч, носилки!

И глазом моргнуть не успела я, как появились носилки и все необходимое к ним. Иванова скрутила меня в два счета, не дожидаясь помощи санитаров. Мои протесты лишь стимулировали ее к деятельности. Подлые санитары тоже не долго мешкали. Они дружно придали мне горизонтальное положение, накрыли простыней и потащили в здание.

– Зачем? Зачем? – вопила я, тщетно пытаясь вырваться и соскочить с носилок.

– На всякий случай, на всякий случай, – склонившись надо мной, участливо приговаривала Катерина, бегущая в толпе санитаров.

Здесь же, потирая руки, бежала и полная удовлетворения Иванова. Не отставал от нее и Ефим Борисович со своим портфелем.

– Осторожно! Осторожно! – басом чеканила Людмила.

– Слава богу, слава богу, – умильно радовался Ефим Борисович.

Катерина своей могучей дланью припечатывала меня к носилкам, не уставая повторять:

– На всякий случай, на всякий случай.

Санитары старались, сопели и явно шли на рекорд. Я вопила без всяких результатов.

Дурдом!

Таким образом меня затащили в операционную, положили на стол и, пристегнув руки и ноги, совершенно лишили подвижности. Распяли.

Иванова гаркнула:

– Свет! – и огромная лампа, висящая надо мной, вспыхнула своими хищными глазками.

И вот тут-то я и показала им всем (не исключая санитаров) на что способны мои голо-
совые связи. Я так орала, так орала, что даже дрогнула моя твердокаменная Иванова. Она
набросила на мой рот компрессную повязку и приказала Катерине:

– Прижми.

Эта чокнутая тут же выполнила приказ. Я едва не лишилась своих ослепительных зубов,
так добросовестно прижала повязку Катерина. Я пыталась ее укунить за руку, но подлая Люд-
мила (женщина с опытом) предвидела это. Не зря же появилась на моем лице эта дурацкая
повязка.

Пришлось смириться, тем более, что орать практически было невозможно, а издавать
жалкое мычание после того концерта, который я им закатила, мне казалось унижительным.

Иванова склонилась надо мной, строго посмотрела в мои глаза и гаркнула:

– Заткнись. Произведем осмотр. Это не больно.

Я, всей душой желая вызвать доверие, бодро закивала головой, выражая готовность под-
чиниться и намекая на то, что пора бы уже снять компрессную повязку. Иванова проникаться
доверием не пожелала и спокойно начала осмотр, снабжая его лаконичными комментариями
типа «верхние конечности целы, ссадина в левом предплечье...»

Потом санитары дружно перевернули меня на живот, при этом подлая Катерина
компресса со рта не убрала. Иванова, пользуясь моим беспомощным состоянием, задрала
пастельно-розовое платье выше спины и отводила душу на всю катушку. «Гематома в нижней
области таза... – жизнеутверждающе чеканила она. – Сильное уплотнение в области верхней
трети бедра...»

И такой срам прямо на глазах у молодых санитаров. Уж лучше бы операция. Лучше бы
она отрезала мне что-нибудь на свой вкус, садистка.

Потом меня опять перевернули на спину, Иванова рывкнула:

– Уколем, – и заговорщически посмотрела на Ефима Борисовича.

Тот кивнул с пониманием, пропищал: «Анечка,» – и бог весть откуда появилась медсест-
ричка с розовой поросычьей мордочкой.

– Весь комплект? – жизнерадостно поинтересовалась она.

– Безусловно, – с умнейшим видом подтвердил Ефим Борисович.

Мне мигом впоролли подряд три укола, после чего на лице Ивановой отразилось абсолют-
нейшее удовлетворение.

– Порядок, – резюмировала она и дала знак Катерине убрать с моего лица компресс.

И уж тут-то я не растерялась, разом высказала свое отношение к ее произволу.

– Иванова! – завопила я во все легкие, – Столько лет дружу с тобой, но даже не подозре-
вала кто ты есть на самом деле! Подумать только, так издеваться над незащитным человеком!
И больные это терпят?

– Больные мне благодарны, – с достоинством пояснила Иванова.

– Несчастные, затравленные лечением больные, готовы руки тебе целовать, – я кивнула
в сторону Катерины, – лишь бы ты не отрезала им что-нибудь необходимое, а ты их страх
принимаешь за благодарность. Таких ужасов, каких я натерпелась на этом столе, не видела
даже в подвале!

– В каком подвале? – заинтересовалась Людмила.

– В любом! – я заерзала, пытаюсь освободить руки. – Выпусти меня отсюда, идиотка! Я
чуть разрыв сердца не получила! Разве можно человека так сразу хватать и бросать на опера-
ционный стол? Без всякой психологической подготовки! Так подло! Так... Так...

Я кипела, я была сама не своя от гнева. Однако, Иванова – непробиваема. Она спокойно
смотрела на мои страдания, потирая свои маленькие ручки и хрипло приговаривая: «Очень
хорошо, оч-чень хорошо. Приходит в себя.» Я же старалась во всю, давая ей понять, что пришла
в себя окончательно. Когда Ивановой надоело потирать ручки, она рывкнула:

– Заткнись. Могли быть переломы.

– Конечно могли, – завопила я с новым пылом. – Как же не быть переломам, когда твои балбесы с такой силой крутили мне руки и ноги.

Балбесы стояли поодаль. Они уже вдоволь налюбовались моим синяком на заднице и теперь с неослабевающим интересом наблюдали за нашей беседой. Глянув на них, я зашлась с удвоенной силой. Припомнила Ивановой все, начиная с юности и кончая сегодняшним днем. Иванова с бесстрастным видом слушала, кивая каждой фразе, словно всякое мое слово являлся подтверждением ее диагноза.

– Успокоилась? – строго спросила она, когда я иссякла.

Я парировала гордым молчанием.

– Отвяжите, – приказала Иванова санитарам, после чего я получила, наконец, свободу, вихрем слетела со стола, выбежала из операционной и помчалась по коридору.

– Куда? – завопила мне вслед Иванова.

– Куда она? – вторили ей плюгавый и Катерина.

Санитары сохраняли нейтральное молчание.

Я выбежала во двор и обнаружив, что машины с незнакомцем и след простыл, схватилась за голову и запричитала:

– Все пропало! Все пропало!

Катерина, Ефим Борисович и Людмила догнали меня и стояли рядом, молчаливо сочувствуя.

– Ничего не пропало, – вмешалась Людмила, когда решила, что я вполне уже накричалась. – Ты нашлась и здорова.

Ее сентенция не успокоила.

– А дом? А подвал? – заорала я вновь. – Где это? Только он знает, где я была. Я даже номера его автомобиля не знаю, а сама в жизни не найду того места, где он меня подобрал.

– Кто подобрал? – встрепелась Катерина. – Мужчина? Симпатичный?

«Несчастливая, – подумала я, – ты еще не подозреваешь, какое постигло тебя горе. Узнаешь, что „Хонде“ капут, сразу станет не до мужчин.»

Мысль о «Хонде» не добавила оптимизма, она вела за собой герани, и я завопила с новой силой:

– Это все ты, Иванова, ты виновата! Зачем было меня хватать и тащить? Не лучше ли сначала расспросить?

– Могли быть переломы, – настойчиво бубнила Иванова.

Мне стало невмоготу. Захотелось сделать ей больно.

– Да я убью тебя! – пообещала я. – У тебя сейчас будут переломы!

Гнев мой был так велик, что могло случиться по-разному, если бы не Катерина.

– Надо ехать домой, – вмешалась она, хватая меня за руку и волоча за угол здания. – Ты уже посинела от холода, да и мой Витька там с ума сходит. – Она оглянулась на плюгавого: – Ефим Борисыч, надеюсь вы с нами? На даче продолжим.

– На чем ехать? На чем ехать? – закричала я, собираясь объяснить, что стало с ее «Хондой», но в этот момент моему взору предстала живительная картина: автомобиль Катерины целехонький и без единой царапинки стоял на автостоянке.

Вкусив такой радости, я обалдело взглянула на Катерину и прошептала:

– Костюмчик у тебя что надо.

– Еще бы, – разулыбалась она, горделиво одергивая новый костюмчик, – два месяца шила.

Глава 5

Мы дружно погрузились в «Хонду». Я села за руль, Катерина рядом, Иванова и Ефим Борисович расположились сзади. Выехали за пределы мединститута и... хором загалдели. Речь каждого (по отдельности) была полна чувства и содержания, все вместе – табор. Каждый хотел высказаться и поделиться накопленной информацией. Я считала, что имею на это самые законные права, и потому галдела громче других. Даже бас Ивановой тонул в моем сопрано. Время от времени мы выдыхались, наступала короткая тишина, которую мы тут же взрывали дружным хором. Шуму – бездна, информации – ноль. Так продолжалось до самого Азовского моря. Лишь увидев Катеринино Витьку, рысью мечущегося по двору, мы умолкли.

– Костюмчик забыла снять, – вжалась в сиденье Катерина.

– Сиди уже, не убьет он тебя, – успокоила я ее и тут, вдруг, вспомнила про Масючкины герани. – Слушай, а цветочки на месте?

– Ой-ёй-ёй! – взвыла Катерина. – Мы же забыли продать герани! Рули к Масючке! – скомандовала она. – Будем врать!

Эту мысль совсем не одобрила Иванова.

– Выпустите нас сейчас же и рулите хоть к черту, врите ему до посинения, а мы с Ефим Борисычем идем накрывать стол.

Понятно, недопьянствовали еще.

Выпустив Иванову, Борисыча и портфель, мы помчались к Масючке. Только там отважились взглянуть на герани. Выяснилось, что герани в прекрасном состоянии, но не хватает одного экземпляра.

«Все ясно, вор есть вор: и здесь не удержался, стибрил-таки горшок,» – горестно подумала я, а вслух горделиво сообщила:

– Одну герань реализовала по самой высокой цене, деньги отдам завтра.

Пока Катерина меняла новый костюмчик на старое платье, Масючка рассыпалась в благодарностях и выудила, конечно, из меня обещание реализовывать ее герани и впредь. Бесовестная Катерина очень способствовала тому, пообещав для этого дела предоставить свою «Хонду».

На обратном пути я мучительно ломала голову над тем, как эта чертова «Хонда» вообще попала к Катерине. Выглядело это фантастично. Даже присутствие в багажнике гераней не убедило меня до конца, что это и есть та самая машина, которую угнал вор.

– Так ты говоришь, что «Хонда» стояла там, где мы с тобой расстались? – пыталась Катерину.

– Как раз напротив калитки портнихи, – подтвердила она.

– Чудеса. Если бы не изодранные руки и ноги, подумала бы что у меня бред. Какой благородный вор. И откуда он знает чья это «Хонда»?

– Может у него связи в ГАИ.

– Ты что, всю госавтоинспекцию держишь в курсе у какой портнихи шьешь свои костюмы?

– Нет, но другого объяснения не нахожу.

– А я нахожу, но не хочу тебя расстраивать, – с этими словами я вошла в дом.

Иванова и Ефим Борисович сидели за накрытым столом и выпивали. Витька покорно им прислуживал. Иванова учила его своим латинским глупостям, а Витька за это ее боготворил. Меня начинало раздражать то, что здесь все боготворят не меня, а Иванову, словно я, выражаясь ее латинским, какой-нибудь «пенис канина» – хрен собачий.

– Ха, явилась! – пьяно пробасила Иванова, вытряхивая из бутылки остатки водки, естественно в свой стакан. – Тарде венеэнтигус – оссе.

– Опоздавшему – кости, – сходу перевел Витька.

Катерина посмотрела на мужа с восхищением.

– Молоток, Витек, – оптимистично подтвердила Иванова и традиционно выругалась.

Очень нецензурно.

«Хоть бы не стошнило меня от этой матершинницы и алкоголички,» – подумала я, брезгливо отворачиваясь.

– Не представила тебе нашего Ефим Борисыча! – с пьяным восторгом воскликнула Иванова, обращаясь исключительно ко мне. – Знакомьтесь, мой старый товарищ, добрейшей души человек, прекрасный специалист, интеллигент до мозга костей профессор Моргун Ефим Борисыч! – Она с огромной любовью хлопнула беднягу по спине и радостно прокричала: – Борисыч! Поприветствуй Соньку!

Моргун с добросовестностью дрессированной собаки отвесил мне поклон и промямлил:

– Весьма рад.

«Интеллигент до первой рюмки», – подумала я и смирila его неприветливым взглядом.

Он смутился и, виновато взглянув на Иванову, сказал умную вещь:

– Людочка, ваша подруга юна и красива.

Иванова с остервенением опрокинула рюмку в рот, достала из кармана очки, натянула их на нос и, пристально глядя на меня поверх стекол, сердито рявкнула:

– Рожу вымыть, платье поменять.

Я сотворила презрительный реверанс и хотела выйти, но Иванова сделал знак стоять.

– Приличное платье приличной длины, здесь не бардак, – добавила она и, покрутив пальцем у виска, пояснила окружающим: – Агеразия, очень запущенная форма.

– Что это? – насторожилась Катерина.

Моргун смущенно усмехнулся и вежливо просветил:

– Агеразия – чувство молодости, наступающее в старческом возрасте в связи с недостаточной критичностью к своему состоянию. Наблюдается вне клиники психического заболевания. – И конфузясь, добавил, глядя на меня: – Людмила Петровна шутит.

Иванова заржала, как конь, и, хлопнув Моргуна по спине, изрекла:

– Старый член!

При этом (должна пояснить) слово «член» заменял совершенно нецензурный синоним, столь любимый в русском народе.

На лице Моргуна отразился девичий испуг.

– Людмила Петровна шутит, – пролепетал он и полез под стол.

– Пусть она лучше лечит своюblasfемию, – с важным видом посоветовала я и, не дожидаясь вопроса Катерины, пояснила: – blasfемия – болезненное непреодолимое влечение к произношению без всякого повода циничных, бранных слов. Особой выраженности достигает при шизофрении, – в этом месте я жестом указала на Иванову.

– Вот п...! – заржала она, упомянув орган, противоположный члену.

– Об этом и говорилось? – подытожила я и с достоинством удалилась в ванную.

Там перед зеркалом, глядя на окровавленную себя, я мгновенно вошла в положение Ивановой. Судя по пятнам на теле и на платье, на мне не должно быть живого места. Однако кроме ушибов и царапин ничего серьезного я не обнаружила.

В голове возник вопрос: «Значит кровь не моя, но чья же? Видимо того организма, который душераздирающе вопил. Что вообще происходит в том подвале?» Ответ очень хотелось получить в ближайшее время. Я дала себе слово принять к тому все меры.

* * *

Когда я чистая и переодетая в скромное платье вошла в комнату, веселье было в самом разгаре. На столе стояла новая бутылка, а Иванова готовилась произнести тост.

– Вита брэвис, аква витэ лёнга! – торжественно произнесла она и лихо замахнула полный стакан.

Позорно пьяная Катерина вопросительно уставилась на своего Виктора.

– Жизнь коротка – водка вечна! – важно перевел он заплетающимся языком.

– Именно, – пропищал Моргун, после чего громко икнул и застенчиво молвил: – Простите.

Бедняжка очень косо сидел на стуле и жмурился от удовольствия, что было особенно противно.

Почему-то на него я разозлилась больше всего. «Посидел бы этот интеллигент с мое в подвале, понял бы чему в этой жизни следует радоваться, – с ненавистью подумала я. – И Иванова тоже хороша. Ей бы все пьянствовать. Знало бы министерство здравоохранения, зачем она ездит в командировки. И Катька тоже фрукт. Из-за ее причуд я вляпалась в такое дерьмо, а ей все пофигу. Даже толком не расспросила куда путешествовала ее „Хонда“. Пьют как ни в чем не бывало и никому до меня нет дела. Что за народ?»

– Чего смурная? – вывела меня из задумчивости Иванова.

– Не смурная, а трезвая, – напомнила я.

Иванова решила меня подбодрить.

– Тебе это идет, – пробасила она, наливая себе полный стакан.

Умеет она довести до бешенства.

– Слушай, – завопила я, – пора бы тебе меру знать, алкоголичка!

Иванова искренне удивилась:

– Что такое мера? Парс про тото?

– Часть вместо целого, – мгновенно перевел Витек.

Катерина разразилась бурными аплодисментами.

– Похвально, похвально, – запричитал Моргун. – За это надо выпить.

С быстротой молнии компания наполнила стаканы, Иванова рявкнула:

– Пэрикулюм ин мора! – и тут же подала пример.

– Промедление смерти подобно! – перевел Виктор, бесстрашно следуя за Ивановой.

Катерина и Моргун мгновенно поддержали почин, ловко «опрокидывая» свои стаканы. Когда все дружно выдохнули и потянулись за огурцом, сиротливо лежащим на тарелке, я пришла в себя.

– Вы что делаете, изверги! А я? Даже пустого стакана мне не поставили! Хотя бы каплю налили в качестве лекарства от стресса и простуды!

– Оптимум медикаментум – коитус эст, – заявила Иванова, с хрустом закусывая огурцом, отбитым у других претендентов.

Потрясенная Катерина с открытым ртом уставилась на Виктора.

– Лучшее лекарство – совокупление, – перевел он, нежно обнимая жену за необъятную талию.

Это возмутительно!

– Иванова, – закричала я, – учти, я весь вечер просидела в подвале и за себя не ручаюсь. Если не заткнешься со своей латынью, погибнешь от моей руки. Обещаю!

– Лингва латина нон пенис канина, – невозмутимо ответствовала Иванова.

– Латинский язык не хрен собачий, – услужливо пояснил Виктор.

Я схватила со стола последнюю бутылку и с ужасом обнаружила, что она пуста.

– Ты чего? – запаниковала Катерина. – Чего ты хочешь?

– Всего лишь выпить, – призналась я.

– Ты же пьешь только ликер, – напомнила мне Иванова, – а у нас одна водка.

– Иванова, ты когда-нибудь сидела в луже крови?

Что там ни говори, а Иванова настоящая подруга. Заметив мое отчаяние, она хлопнула по спине Моргуна и гаркнула:

– Ефим Борисыч!

Тот мигом полез под стол и вернулся уже с портфелем. Надо было видеть, как он его открывал: так, словно там полно тараканов или мышей.

– Вот, последняя, – смущенно пропищал он, с большим трудом протискивая бутылку «Смирновки» в узенькую щель едва приоткрытого портфеля.

Услышав это, Иванова с укором уставилась на меня, словно я повинна в том печальном факте.

– Тебе завтра на работу, – напомнила я, на всякий случай вырывая бутылку из рук Моргуна.

Лишь выпив, почувствовала я себя человеком. Захотелось поделиться переживаниями. Пользуясь своими ораторскими способностями, я надолго завладела вниманием публики и облегчила душу, не скупясь на подробности. Публика замерла, радуя своей реакцией. Рот Катерины от удивления не закрывался. Виктор то и дело чесал в затылке. «Что вы говорите, что вы говорите,» – озадаченно причитал Моргун. Одна Иванова сидела как изваяние и сильно портила весь пейзаж.

– Теперь вам понятно, почему я прибегла к спиртному? – вопросом заключила я свой подробный рассказ о зломытарствах этого вечера.

– Так и я поэтому, – пробасила Иванова, словно мне не известно чем обычно заканчивается ее рабочий день. – Когда Катерина в истерике примчалась на кафедру, – продолжила она, – мне сразу захотелось дернуть стаканчик.

– А мне захотелось дернуть стаканчик, когда я обнаружила свою «Хонду» у ворот портнихи, – пожаловалась Катерина. – «Хонда» есть, а Сони нет. Я час ждала, другой, третий... Помчалась в мединститут и дернула, не сердись, Витенька, только один стаканчик, – как кролика, погладила она мужа по голове.

Моргун, видимо, счел, что нельзя оставаться безучастным к этому разговору и сообщил:

– А мне захотелось дернуть, когда группа балбесов в обмен на тройки принесла портфель водки.

Пришлось признать, что я единственная в этой компании «дернула» без веских причин. Однако, Иванову эта тема уже не интересовала. Она пошла дальше и заявила:

– Завтра поедешь домой.

– И не подумаю, – возмутилась я. – Пока не отыщу тот дом, – никуда не поеду.

Катерина всплеснула руками.

– На твоих глазах грохнули человека, и ты снова хочешь туда?! – ужаснулась она.

– В том-то и дело, что не грохнули, – пропищал Моргун. – Человек исчез таинственным образом, что еще хуже. Удивительно, Сонечка, что вам удалось выбраться живой и невредимой. Не советую второй раз испытывать фортуны.

– Фортуна нон пенис, ин манус нон рецепе, – со знанием дела вставила Иванова.

Виктор хорошо знал свое дело толмача.

– Фортуна не член, в руки не возьмешь, – мигом перевел он.

Я поняла, что простодушием их не проймешь и пора прибегать к хитрости.

– В любом случае не могу уехать, не нарушив данного слова, – заявила я, уповая на принципиальность Ивановой.

– Кому дала? – тут же поставила она вопрос ребром.

Здесь я уже целиком могла положиться на словоохотливость Катерины.

– Масючка плачется, просит реализовать ее герани, – тут же выскочила с пояснениями она. – Сонька сдуру дала клятвенное обещание.

Иванова очень нецензурно выругалась, выразительно посмотрела на Моргуна, выругалась еще нецензурней и обратилась ко мне с «душевной» речью:

– Так продай их к чертовой бабушке и отправляйся в Москву. Не для того я брала тебя с собой, чтобы ты лазила по всяким «малинам» и подглядывала за тремя подонками, которые «валят» четвертого. На реализацию гераней – три дня, – заключила она и с чувством исполненного долга потянулась за бутылкой.

– Завтра дашь мне машину, – напомнила я Катерине.

– Дам, – нехотя ответила она.

– Вот и прекрасно, – подытожила Иванова и, озорно обведя компанию глазами, гаркнула во все горло:

– Ефим Борисыч! Запе-вай!

– Студент студента фибулей ударил по мандибуле! – жизнерадостно заблеял Ефим Борисыч.

«Боже! Что здесь твориться! – подумала я. – Просто вертеп какой-то, а в нем шабаш. Иванова самая главная ведьма. А Моргун...»

Признаться, не ожидала от него такого изощренного мата. Что такое мандибула я постеснялась спросить, а вот насчет фибули поинтересовалась у Ивановой, шепотом и с укором.

– Кретинка! – заржала она. – Фibuля – малая берцовая кость, а мандибула – нижняя челюсть, а совсем не то, что ты подумала.

Мне стало ясно, что на самом деле произошло между студентами.

Глава 6

Рано утром Иванова растолкала меня и сунула под нос чашку с блюдцем.

– Твой кофе, – сердито буркнула она, поправляя берет и одергивая тесный плащ, дореволюционного фасона.

– Ты куда? – сквозь сон спросила я, тараща глаза и пытаюсь вернуть ясность мысли.

– На кафедру, – гаркнула Иванова и выбежала из комнаты.

Я выглянула в приоткрытое окно. Там Виктор уже выводил со двора свой фургон. Иванова, как козочка, прямо на ходу запрыгнула на переднее сиденье и громогласно рывкнула «трогай». Даже стекла в окнах задрожали.

Катерина, зябко кутаясь в пуховый платок, шла за ними и трогательно махала рукой. Когда машина скрылась из вида, она зевнула, лениво посмотрела на окна дома и, наконец, заметила меня.

– Холод собачий, – сообщила она, кивнув головой в сторону веранды. – Даже не верится, что вчера сидели в купальниках. Может не поедешь? Масючка не обидится. Глянь, небо опять заволочло.

– Лучше скажи куда вы дели этого старого козла? – вместо ответа спросила я.

– Какого козла? – изумилась Катерина.

– Да Моргуна, будь он не ладен.

– Моргун еще не проморгался, спит в столовой. Виктор заедет за ним позже.

– Могу и сама отвезти старикашку, – предложила я, думая, что такое положение вещей мне на руку.

Должна же я кого-то расспросить про дачи. Катерину вряд ли возможно. Она быстро смекнет что к чему и сразу доложит Ивановой, а Моргуну, как любому мужчине, гораздо проще запарить мозги.

– Вези, коли не лень, – почесываясь и зевая, согласилась Катерина. – Виктору меньше заботы.

Так и поступили. Наспех позавтракав на кухне, я выкатила из гаража «Хонду» и отправилась загружать в багажник Масючкины герани. Катерина тем временем должна была растолкать Моргуна, и придать ему вид, достойный его кафедры.

Пока Масючка грузила герани, я страдала. Мучительно хотелось расспросить ее про дачи, но образ вездесущей Катерины витал надо мной. Сознывая опасность, я держалась изо всех сил, уповая на Моргуна.

Моргун, когда я въехала во двор, уже стоял на веранде и, качаясь, держался за портфель. Он всеми силами пытался достичь благопристойности, но недостаток трезвости сильно мешал.

– Сонечка, вы только не быстро, – вместо приветствия промямлил он, усаживаясь на переднее сиденье, – мне что-то нехорошо.

Смущенно помолчал, подумал и виновато добавил: – Давление... и возраст.

«Давление! Возраст! – внутренне возмутилась я. – Дай Бог мне, в моем цветущем возрасте и с моим завидным давлением, так пить и оставаться живой!»

Но ничего не поделаешь, пришлось ехать медленно, как ни хотелось мне быстрее отправиться на поиски вчерашнего дома. По дороге выяснилось, что Моргун не пригоден ни к чему, кроме как охать и стонать. На все мои вопросы он впадал в глубокую задумчивость, плавно переходящую в храп. Когда же мне удавалось его разбудить, несчастный тут же принимался охать и стонать. При этом его трясло мелкой дрожью. Просто алкоголик какой-то. Естественно, доверительного разговора о дачах не получилось, а без этого разговора Моргун был просто обуза.

Короче, не взирая на все регалии Моргуна, я не повезла этого абстинента в мединститут, а высадила его где Бог на душу положил: в трех шагах от Марусиной портнихи.

Именно оттуда еще вчера вознамерилась я начать свои поиски, но очень скоро была разочарована. Словно кто заколдовал меня: сколько бы раз не возвращалась в исходную точку, всегда следовала одним и тем же маршрутом, ведущим к напичканной злчными местами трассе. Перед глазами мелькали какие-то шашлычные, вещевые рынки, забегаловки, кафе, ресторанчики. Куда ни глянь, везде приглашают выпить. Там «У Миши», тут «У Ксюши», через три метра «У Максима». Просто Монмартр какой-то. На казачий лад.

Чуть дальше были и дачи, но совсем не те, которыми я любовалась накануне, а значительно проще и скромней. И что удивительно, с той «заговоренной» трассы я без всякого труда возвращалась к воротам портнихи, о чем вчера и мечтать не могла.

«Нет, так дело не пойдет, – подумала я после очередного „заезда“. – Какой смысл путешествовать по всем правилам дорожного движения? Эти маршруты теперь я знаю наизусть, и все они ведут на уже обрыднувшую трассу. Надо нарушать.»

И я начала нарушать. Не было на моем пути ни одного дорожного знака, которому бы я подчинилась. Где проезд запрещен, туда и направляла «Хонду», где одностороннее движение, там и пристраивалась вторым рядом против потока машин. Казалось, что я проехала через весь город и должна бы очутиться в стороне совершенно противоположной от той злополучной трассы, каково же было мое удивление, когда вновь замелькали знакомые забегаловки, кафе и ресторанчики. Просто рок какой-то.

Я едва не заплакала от досады. Пришлось остановиться и дотошно расспросить местное население. Мне объяснили, что город буквально окружен дачами и садовыми участками, а на мои описания только разводили руками:

– Такого здесь пруд пруди.

От ярости во мне проснулось чувство голода. Выбрав ресторанчик попрличней, я припарковала автомобиль и уже собралась зайти пообедать, но вдруг услышала за своей спиной:

– Соня! Соня!

Оглянувшись, обмерла: отпаднейшие высокие сапоги белого цвета стремительно двигали на меня кожаный белый плащ потрясней элгантности. Весь этот шик венчала белая широкополая шляпа с черной велюровой лентой. И все это не на мне. Вот так получают инфаркты!

Раздраженная пошлостью роскоши, я хотела удалиться со всем возможным достоинством, но не успела сделать и двух шагов.

– Соня! Ну Соня! – вновь раздалось у меня за спиной. В голосе уже слышалась нетерпеливая досада.

Оглянувшись вторично, я наткнулась на те же сапоги, шляпу и плащ, только на этот раз среди них я обнаружила свою давнюю подругу Власову Татьяну. Кто знал ее юной, тот поймет мое удивление.

– Тата, глаза видят, а разум не верит. Неужели это ты? – воскликнула я, вновь совершая взглядом «вояж» по сапогам, плащу и шляпе.

– Неужели я так изменилась, – с легкой обидой ответила Тата, подставляя щеку для традиционного поцелуя.

– Ты в прекрасной форме и не изменилась совсем. Такая же, как и двадцать лет назад!

Тата, видимо, сочла, что последние слова некстати. Ее наряд был юн и выглядел не старше двадцати пяти, и она всей душой желала ему соответствовать.

– Не так громко, – затравленно озираясь, прошептала она. – Нас могут услышать.

Действительно, мое высказывание как громом поразило трех молодых грузинов, направляющихся в ресторан закусить шашлыками. Они глаз оторвать не могли от моей Таты, старательно выражая взглядами мысль, что женщина без любви, как рыба без воды. Теперь же, после

моей ностальгической фразы, в их глазах легко читалось, что они имели ввиду исключительно свежую рыбу.

Тата заметила метаморфозу, и тень досады опустилась на ее ухоженное личико.

– Пойдем отсюда, – пропела она капризным голоском, поспешно увлекая меня за собой. – Здесь неподалеку есть прекрасное местечко. Нам надо столько друг другу сказать.

«Ах ты старая кокетка, – подумала я. – Лучше скажи, как тебе удалось сохраниться лучше меня?»

Вслух, естественно, пришлось произнести совсем другое.

– Видишь эту «Хонду»? – спросила я, тыча пальцем в автомобиль Катерины. – Я уже раз теряла ее; не хотелось бы повторяться.

– Нет проблем, – махнула холеной ручкой Тата. – У меня водитель. Он поедет за нами, а я буду показывать тебе дорогу.

И она кому-то дала знак. Я оглянулась, и расстроилась окончательно: роскошный черный «Бентли» стоял у обочины. Не было никаких причин считать, что у него есть хозяева кроме Таты. Нет, я женщина с достатком и вовсе не позавидовала. Просто всегда хотелось быть оригинальной, а как тут будешь, когда все, кому не лень блещут достатком не хуже меня.

Мы поехали: я и Тата на «Хонде», «Бентли» за нами. Тата трещала без умолку. Мы не виделись почти двадцать лет, а теперь ей захотелось знать все сразу: и про меня, и про Нелли, и про Марусю...

В меру сил я, конечно, старалась удовлетворять ее любопытство, но было обидно, что в когда-то скромной и тихой девушке за каких-нибудь двадцать лет накопилось столько эгоизма. И кто только взрастил его? Неужели муж? Да нет, одному мужчине здесь не справиться. Видимо постарались многие.

– Тата, я тоже хочу кое-что знать! – в конце концов возмутилась я после очередного вопроса. – Куда ты пропала? Где живешь? И есть ли у тебя дети?

Про мужа я тактично упоминать не стала, поскольку трудно предположить, что Тата способна самостоятельно добиться таких успехов, как белый плащ и черный «Бентли».

– Живу в Ростове, – принялась загибать пальчики Тата. – Муж очень важная персона, а я здесь в числе первых дам. Очень хорошо, что мы встретились. Введу тебя в местное общество. Ох и развлечемся!

– Не надо, – воспротивилась я. – Вчера уже развлекалась в местном обществе, до сих пор протрезветь не могу.

Тата надула губки.

– Что за общество? – спросила она. – Я имею ввиду элиту.

– С ней, с элитой, и развлекалась. Если хочешь знать, меня спаивали сразу два профессора медицины. Небезуспешно.

– Два профессора? Не смейся. Тоже нашла элиту. Это рвань, обслуга. Я познакомлю тебя с достойными людьми.

– С ворами что ли? – спросила я, вспомнив, что нахожусь в Ростове.

– Почему с ворами? – обиделась Тата. – С друзьями мужа и моими друзьями. Кстати, нам сюда. Тормозни у первой колонны.

Мы подъехали к занятому зданию, выполненному в эклектическом стиле. Холодная готика здесь соединилась с жаркими арабесками, тяжелый классицизм сочетался с игривым рококо, и все это стремилось смахивать на уже родной Евродизайн. Впечатление усиливала громадная вывеска «Клуб три кота».

– Здесь собирается весь цвет, – просветила меня Тата, элегантно хлопнув дверцей «Хонды». – Придерживаются в основном «америкэн уэй оф лайф» – сказала она и зачем-то перевела: – Американский образ жизни, – словно забыла, что мы вместе учились в спецшколе с английским уклоном.

Я присвистнула. А что тут скажешь?

Изнутри клуб поразил меня не меньше, чем снаружи. Отупляющая роскошь соседствовала с вопиющей безвкусицей. Бассейны, фонтаны, водопады, хвостатые павлины, золоченые каминны, – все говорило о том, что фантазия изобилия имеет предел, в отличие от нищеты, чьи страдания безграничны.

Я бегло изучила людей, сидящих за столиками, и остановилась на белокожем brunete в очень дорогом костюме. В отличие от других у него было выражение лица.

– Это Макс, хозяин клуба, – сходу начала вводить меня в свет Тата.

– Макс это кличка? – осведомилась я.

– Почему? Имя. Максим.

Мы уселись поближе к павлину и принялись изучать меню. Должна сказать, я не ожидала такого выбора. Русская белужья икра, копченая севрюга, телячьи почки с беконом, фасолью и рассыпчатым вареным картофелем; мои любимые котлеты из молодого барашка с овощами, спаржа с соусом по-бернски, клубника в кирше, клецки с утиными лапками. А закуски: грибы по-восточному, лосось в тесте под соусом с красной смородиной. Даже устрицы варенные с икрой, и макароны под соусом из чернил осьминога. О спиртных напитках я уже и не говорю.

– И что, это все можно съесть прямо сейчас? – изумилась я.

– Кое-что, конечно, придется подождать, – пояснила Тата, – а в общем-то перекусим. Выбирай.

– Полагаюсь на твой вкус.

Тата жестом позвала официанта, тактично застывшего на приличном расстоянии, и сделала заказ из невообразимого количества блюд. Мне стало интересно, кто будет платить.

– Здесь есть все, чего ни пожелаешь, – шепнула она, усиленно строя глазки какому-то бритому лысому мужчине, обедающему в дорогом... спортивном костюме. – Даже трудно вообразить, чего здесь нет.

Не прекращая работать мощными челюстями, бритоголовый придавил ее своим тяжелым взглядом и не отпустил. Глядя на него, как кролик на удава, Тата продолжала меня просвещать:

– Сауна здесь великолепная... Лысого видишь? Четверть черноморского побережья принадлежит ему и половина магазинов Ростова... Косметический кабинет здесь тоже отпадный, и бассейн с морской водой, а спортивный зал с новейшими тренажерами, просто блеск, лысый только здесь оздоравливается, кстати, у местного массажиста руки волшебные.

– Чудесно, после обеда, кроме лысого, нам все это понадобится, – бросила я, отдавая внимание первому блюду, появившемуся на нашем столе.

В тот же миг Тата дивным образом вырвалась из-под взгляда своего лысого и налегла на еду. Мне лишь оставалось дивиться как ее тонкой талии удастся сосуществовать с таким сумасшедшим аппетитом.

Минут десять стояло молчание. Не знаю, что мешало трещать Тате, но мне мешала не только вкусная пища. У меня были мысли. Две основные: чертов дом и герани; и множество посторонних. Посторонние мысли были чисто философского плана: о жизни вообще и светской жизни в частности.

«Вот сию в приличном месте, – думала я, тщательно прожевывая телячьи почки, – „Клуб три кота“, вокруг достойнейшие люди и павлины, в каминах потрескивают дрова, и Макс бросает на нас любезные взгляды, напротив фонтаны и лысый со своим черноморским побережьем, а почему-то не покидает мысль, что нахожусь я в самой настоящей „малине“.»

– Ночью здесь можно посмотреть стриптиз, – словно подслушав мои мысли, выдала сообщение Тата. – Есть и мужской. Мальчики, – она сладострастно причмокнула губами, – пальчики оближешь.

– Ты их что, ешь? – спросила я.

– Скажешь тоже, – рассмеялась Тата. – Хотя некоторые такие милашки, что так и хочется откусить кусочек. Кстати, есть и еще кое-какие развлечения, – Тата заговорщически подмигнула, а я подумала: «Ну точно „малина“.»

Стало скучно, захотелось продавать герани, но в обществе Таты об этом не могло быть и речи.

– Слушай, а как ты сюда попала? – внезапно заинтересовалась она.

– Приехала с Ивановой. Помнишь, толстенькая такая кубышка, пионервожатой у нас была.

– Помню, помню, жутко культурная и писклявая, – рассмеялась Тата.

– Да, теперь она худая. Пьет, басит и матерится. ...Как сапожник.

Тата взгрустнула.

– Да-а, что жизнь с людьми делает. Чем она теперь занимается? Кажется Иванова поступала в медицинский?

– Теперь она хирург, профессор. Приехала в Ростов делиться опытом с местными светилами. Если понадобится что-нибудь отрезать, обращайся.

– Да-а, помнится, она меня любила.

– Еще бы, ты была паинька: носила косу, очки, училась на пятерки, не прогуливала и выполняла все ее дурацкие поручения. Это я на концерте заблела козлом и сбила со слуха весь хор, и из пионерского знамени состряпала мини-юбку.

Тату передернуло.

«Она до сих пор без ужаса не может вспоминать мои проделки,» – отметила я, с прежним удивлением глядя на ее шляпу.

– Соня, знаешь, часто бываю в Москве, но прежняя жизнь – куда-то мимо. Муж купил мне в Москве прекрасную квартиру, но я свою мать и из старой перетащила сюда, а там хоть и бываю, но новые знакомства, новые друзья...

– Зачем? Когда и прежние еще живы...

– Да, я, конечно, неправа, но жизнь как-то закрутила: вышла замуж, уехала в Германию (первый муж был военным), там познакомилась с Мазиком (это мой теперешний), вышла за него и вот, живу не тужу. Он карьерист, конечно, и стяжатель, но меня не напрягает – делаю, что хочу. Денег море. Все мне кланяются. А в общем-то, Соня, знаешь, – скучно. Детей у меня нет, вот это жалко. Мазик завел себе зазнобу. Говорят она ему сына состряпала, вот жду когда меня бросит, моложусь, верчу хвостом, а на душе тоска смертная.

Мне стало стыдно за свое благополучие. Как живу? Даже пожаловаться не на что, хорошую беседу поддержать нечем. Рассказать что ли о доме? Нет, это из другой оперы.

– Пробовала работать – лень, – продолжала плакаться Тата. – Да толком и не умею ничего. Тошнит от собственной бездарности, а ведь когда-то была круглой отличницей. Мать меня надломила. Талдычила с утра до ночи: «Учись-учись, учись-учись!» Вот я и переучилась. Делала вид, что хочу стать инженером, а сама только и мечтала как бы выскочить замуж и... подальше от матери.

– А у меня нет матери, – грустно сказала я. – Я бы от нее никуда не уехала.

Тата душевно посмотрела на меня, вздохнула, продолжила:

– Хорошо, что тебя встретила. Знаешь, это судьба. Ты всегда меня удивляла. Ах, как я тебе завидовала, смелости твоей, независимости, но больше всего тому, что есть у тебя такая бабушка. Ах, что за женщина Анна Адамовна! Я до сих пор ей подражаю, трубку курю и дома ношу длинное платье с меховым воротником. Сажу перед камином, закинув ногу на ногу, дымлю трубкой и слушаю Баха. Муж зовет меня дурой. Ах, Анну Адамовну никто бы не посмел назвать дурой, хотя делала она то же. Ах, ах, ах, сколько было в ней шику! Кстати, как она?

– Бабуля умерла. Я теперь круглая сирота.

Тата всплеснула руками, на глазах ее проступили слезы, и я увидела, что это прежняя скромница-Тата, затурканная матерью отличница, не знающая что делать со своими пятерками и похвальными грамотами. Мне стало ее жалко, захотелось приласкать, успокоить, и я сказала:

– Бабуля умерла красиво: посредине праздника с пирожным во рту, окруженная поклонниками, подарками и любовью.

– Я ей завидую! – просветленно воскликнула Тата. – Ах, как я ей завидую! А мы! Что же мы, что же?! Ах, Соня! Тошно... Тошно... Как тошно! Хочу напиться! Давай напьемся?

Я мигом вспомнила Моргуна и, коченея, поспешно вскрикнула:

– Не сегодня, у меня дела.

Тата тут же сменила истерику на деловитость.

– Какие дела? – спросила она с похвальной трезвостью. – Могу помочь?

Радости моей не было предела.

– Можешь! Можешь, если захочешь!

– Конечно захочу. Говори, что делать.

– Надо найти один дом, дачу, – и я подробно описала все приметы.

Тата задумалась.

– Это за городом? – после короткой паузы спросила она.

– Да, причем, могу точно сказать откуда выехала, но как попала туда – убей не помню.

– Пьяная что ли была?

– Нет, просто ехала без всякой цели и случайно забрела на ту улицу, а теперь весь город исколесила, а найти это место не могу.

– А зачем тебе тот дом?

Вопрос Таты поставил меня в тупик. Надо признаться, совсем к нему не была готова. Пришлось срочно изобретать версию.

– Захотела пить, зашла в первый попавшийся дом и забыла там сумочку с документами, – объяснила я, внутренне гадая не слишком ли глупо придумано.

Но Тата подошла к моей версии со всей серьезностью.

– Деньги в сумочке были? – деловито спросила она.

– Нет, только документы.

– Тогда есть надежда. Значит так: даем объявление в газету, обещаем крупное вознаграждение и ждем. Устраивает?

– Совсем не устраивает, – ужаснулась я. – Вдруг хозяин дома не читает объявлений? И потом... – я замялась, краснея и тупя взор. – ...Мне хотелось бы видеть хозяина живьем.

Тата обрадовалась.

– Симпатичный?

– Более чем.

– Ну-у, так бы сразу и сказала. Будем искать. Прямо сейчас. Где, говоришь, живет эта портниха?

Я подробно объяснила, и мы отправились на поиски.

Глава 7

От ворот портнихи очень скоро выехали мы на злополучную трассу.

– Места знакомые, – отметила Тата.

– До боли, – простонала я. – Могу уже предсказывать что идет за чем. Вот сейчас будет ресторанчик «У Миши». А дальше...

Тата нетерпеливо перебила.

– Раз изучила этот район трассы, так нечего здесь и делать, – тоном не терпящим возражений сказала она. – Поедем в обратную сторону и так метр за метром прочедем окраины Ростова.

– Но я не ездила в обратную сторону.

– Ты заблудилась и знать не можешь куда ездила, а куда нет. Слушай меня. Мы найдем твоего хозяина, – Тата подмигнула.

– Хозяина дома, – степенно поправила я, давая понять, что не люблю таких шуток.

До наступления темноты мы колесили по окраинам, но ничего похожего не нашли. Дальнейшие поиски были бессмысленны; мы решили перенести их на следующий день.

– Не расстраивайся, – успокоила меня Тата, – найдем, обязательно найдем. Вот завтра утром встретимся и все будет тип-топ.

На этом мы и расстались. Тата пересела в свой «Бентли», который принимал пассивное участие в поисках, и помчалась развлекаться, а я отправилась к Катерине на дачу.

Вспомнив на полпути, что не продала ни одной герани, я устыдилась и решила схитрить. Подъехала к автобусной остановке, выставила несколько горшков на скамейку и с чувством выполненного долга поехала прямо к Масючке. Там я отчиталась о проделанной работе и выложила из своего кошелька необходимую сумму. Масючка пришла в восторг, расцеловала меня, побежала в оранжерею и вынесла новые горшки взамен якобы проданных. С незаметным вздохом я погрузила их в багажник.

У Катерины мне пришлось еще раз отчитаться о проделанной за день работе. На этот раз перед Ивановой, явившейся из своего мединститута подозрительно рано. Она внимательно выслушала меня и спокойно сказала:

– Не верю.

Моя душа ушла в пятки. Бог знает почему, но я иногда трушу перед этой занудой.

– Чему не веришь? – осторожно поинтересовалась я, не собираясь сдаваться.

– Ни одному твоему слову.

– Но почему?

– Потому что цветы ты выбросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.